МАРТЫНОВ. РАБ. И РЕВОЛЦ.

432
М.29
4 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 125
М 378

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 1352

МАРТЫНОВЪ.

РАБОЧІЕ И РЕВОЛЮЦІЯ.

ЦА125
М378

Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

Цѣна 20 коп.

ЖЕНЕВА.
Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.
1902.

4 й экз.

К

ЦА125
М378

БИБЛИОТЕКА

1100
28

Н. 5924 у

2010 г
У 82

м432
9.47.331
М.29

Неизбѣжность революціи.

Азіатское самодержавіе и европейское капиталистическое развитіе — вотъ основное противорѣчіе современной русской жизни, которое можетъ разрѣшиться только революціей.

Неподвижныя, застывшія общественныя отношенія крѣпостной Россіи служили нѣкогда прочной основой для самодержавія. Но эта основа давно исчезла. Быстро растущее капиталистическое хозяйство ломало вѣковые устои, перетасовывало всѣ издревле установившіяся отношенія между сословіями, отрывало милліоны людей отъ насиженныхъ мѣстъ, разрушало ихъ стародавнія привычки и взгляды, ставило благосостояніе отдѣльныхъ лицъ въ зависимость отъ общерусскаго и мірового хозяйства, отъ мірового рынка. Жизнь народа становится все болѣе сложной, тревожной и запутанной. Чтобы она могла хоть сколько нибудь правильно течь въ этой лихорадочной обстановкѣ, необходимо, чтобы всѣ слои населенія слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, что совершается въ странѣ; необходимо, чтобы разсѣялся мракъ, которымъ царское правительство окутываетъ обостряющееся противорѣчіе между интересами разныхъ классовъ, необходимо чтобы всѣмъ борющимся и сталкивающимся классамъ народа была предоставлена возможность принимать дѣятельное участіе въ политической жизни.

Царское правительство старалось избѣжать этой роковой необходимости. Сорокъ лѣтъ оно топталось на мѣстѣ, сорокъ лѣтъ оно изощрялось въ попыткахъ какъ нибудь приспособить устарѣлую, негодную самодержавную машину къ новымъ общественнымъ условіямъ. Но изъ его стараній ничего не вышло и никого они не удовлетворили.

Крупные землевладѣльцы, отдѣльные капиталисты и группы капиталистовъ получали и получаютъ изъ рукъ правительства льготы и подачки насчетъ народа; правительство ихъ вскармливаетъ заботливой рукой. Но всю буржуазію въ цѣломъ это

не можетъ хоть сколько нибудь прочно привязать къ самодержавію. Классъ капиталистовъ въ цѣломъ не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы судьба его милліардовъ находилась въ зависимости отъ случайной, произвольной политики царскихъ временщиковъ. Весь классъ капиталистовъ хочетъ имѣть постоянный контроль надъ государственными финансами; ему нуженъ твердый денежный курсъ, прочный кредитъ, такъ называемый „законный порядокъ“, обезпечивающій по возможности безмятежное накопленіе капиталовъ. Буржуазному обществу мало дѣла до истины и справедливости; но въ его собственныхъ интересахъ необходимо распространеніе въ народѣ *извѣстной* культуры и *извѣстной* образованности; а для самодержавія даже эта буржуазная культура опасна. Пусть буржуазія не борется открыто съ самодержавіемъ. Достаточно того, что добрая часть ея откажетъ ему въ минуту жизни трудную въ поддержкѣ, а это несомнѣнно.

Средній, промежуточный классъ городского населенія и громадная масса крестьянства, захваченные водоворотомъ денежнаго хозяйства, у насъ, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, находятся въ положеніи непрерывнаго банкротства: въ безпощадной борьбѣ за существованіе меньшинство изъ нихъ пробиваетъ себѣ дорогу къ сытой буржуазной трапезѣ, а масса идетъ ко дну. Могутъ ли эти классы хоть сколько-нибудь приспособиться къ этой ожесточенной житейской свалкѣ, если они не имѣютъ полной свободы распоряжаться своей личностью и своимъ имуществомъ, если имъ затрудненъ доступъ къ образованію, если они лишены возможности отстаивать свои интересы въ земствахъ, въ думахъ, въ государственномъ управленіи, въ печати, если у нихъ нѣтъ щита противъ полицейскихъ прижимокъ, противъ взяточничества чиновниковъ, противъ судейской волокиты и т. д.? Естественно, что ихъ мирить съ самодержавіемъ можетъ лишь темнота, но она разсѣевается, а въ революціонное время люди въ мѣсяцъ научаются тому, чему они раньше не могли научиться въ годы.

Вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическаго хозяйства въ Россіи быстро росла армія пролетаріата, армія наемныхъ рабо-

чихъ. На нихъ капиталистическій строй давитъ всей своей тяжестью. Для рабочихъ жить—значитъ бороться за жизнь съ капиталистическимъ строемъ. Но для этой борьбы у русскихъ рабочихъ связаны руки: они безправнѣйшіе изъ безправныхъ, и изъ всѣхъ недовольныхъ русскими порядками они самые недовольные. Отъ нихъ самодержавіе можетъ ждать только одной услуги—они будутъ его могильщиками.

Полное несоотвѣтствіе между азіатскимъ политическимъ строемъ и европейскимъ капиталистическимъ развитіемъ Россіи не только подготовило почву для революціи, но, можетъ быть, подготовило и моментъ для нея*). Головокружительный ростъ капиталовъ наряду съ вымираніемъ и обнищаніемъ милліоновъ населенія привелъ Россію къ всеобъемлющему экономическому кризису, который длится уже три года и которому какъ будто и конца не предвидится. Я не берусь гадать, но имѣйте въ виду, что всѣ крупныя революціи послѣдняго вѣка наступали въ моментъ экономическаго кризиса.

Геній революціи перешелъ отъ буржуазіи къ пролетаріату.

Неизбѣжность русской революціи стала фактомъ общепризнаннымъ. Объ этомъ каркаютъ уже вороны, почуявшіе самодержавную падаль. Какой нибудь борзописецъ, сотрудничавшій въ газетѣ „Новое Время“, въ газетѣ „чего изволите?“, почуявъ перемѣну политическаго курса, пишетъ дерзкій фельетонъ противъ царя. Реакціонный землевладѣлецъ Шараповъ говоритъ открыто о „началѣ конца“. Французская буржуазная газета „Temps“ въ моментъ франко-русскихъ лобзаній, печалуется о томъ, что французскіе капиталы, помѣщенные въ Россіи, находятся въ опасности въ виду возможности революціи. „Увы“, говоритъ она, „оказалось, что русское прави-

*) Слово революція можно понимать въ смыслѣ возстанія противъ политическаго строя или же въ смыслѣ *крутого измѣненія политическаго строя*, отъ чего бы оно ни произошло, отъ возстанія, отъ страха передъ возстаніемъ, отъ банкротства, отъ войны и т. д. Я употребляю вездѣ слово *революція* во второмъ смыслѣ.

тельство не только не способно управлять, но неспособно даже и подавлять". Даже канцелярская душа, министръ Плеве, заговорилъ возвышеннымъ языкомъ о „великомъ историческомъ смыслѣ переживаемаго нами времени". Неизбѣжность русской революціи можно было давно предвидѣть, потому что всѣ европейскія страны въ свое время успѣли пережить подобныя революція. Вездѣ раньше или позже наступалъ моментъ, когда самодержавіе, связанное съ остатками крѣпостныхъ порядковъ, сметалось революціей и уступало мѣсто свободнымъ политическимъ учрежденіямъ, соотвѣтствующимъ потребностямъ новыхъ общественныхъ условій жизни.

Вопросъ въ томъ, какъ разыграется эта революція?

Когда ставишь себѣ этотъ вопросъ, то невольно переносишься воображеніемъ за сто десять лѣтъ назадъ во Францію. Французскій народъ далъ міру великій примѣръ того, какъ слѣдуетъ сводить счеты съ ненавистными порядками „добраго стараго времени". Россія какъ будто переживаетъ теперь то, что переживала Франція передъ 1789-омъ годомъ. Если монархія Романовыхъ въ сравненіи съ французской монархіей Бурбоновъ на половину утеряла уже свой крѣпостной характеръ, если она лучше приспособилась къ интересамъ капитала, къ интересамъ буржуазіи, то, съ другой стороны, она гораздо болѣе несносна для трудящагося населенія и для всей демократіи. Въ общемъ, это та же гниль. Теперь въ Россіи, какъ и тогда во Франціи, въ революціи сознательно или безсознательно заинтересовано громадное большинство народа. Всѣ чувствуютъ, что дальше такъ жить нѣтъ никакой возможности. И коренная причина неизбѣжности русской революціи та же, что и во Франціи прошлаго вѣка.

Но несмотря на это сходство, заранѣе можно сказать: *задача революціи у насъ въ общемъ та же, да разыграется она по иному.* Въ русской, какъ и нѣкогда во французской революціи, ближайшее участіе примутъ буржуазія и демократія. Но за истекшее столѣтіе во всемъ мірѣ изъ простонародья успѣлъ выдѣлиться и рѣзко обособиться новый общественный классъ — пролетаріатъ, внутреннія отношенія общественныхъ классовъ успѣли рѣзко измѣниться, и евро-

пейскій опытъ ясно показалъ, что *въ настоящее время въ революціяхъ пролетаріату должна выпасть та роль, которая нѣкогда выпала на долю буржуазіи.*

Французская буржуазія прошлаго вѣка постепенно стянула въ свои руки богатство, образованность и фактическое вліяніе на общественную жизнь. При всемъ томъ она оставалась въ такомъ же безправномъ положеніи, какъ и все городское простонародье. Подобно ему она страдала отъ старыхъ порядковъ и ненавидѣла всей душой привилегированныхъ тунеядцевъ-дворянъ, высшее духовенство и королевскихъ чиновниковъ. Революцію начала буржуазія. Ея представители, собравшись, поклялись, что они не разойдутся, покуда старый порядокъ не будетъ окончательно преобразованъ.

Въ то время масса французскаго городского простонародья состояла изъ ремесленниковъ, подмастерьевъ, мелкихъ служащихъ и мелкихъ торговцевъ. Противоположность между интересами этого рабочаго люда и интересами буржуазіи выступала далеко не такъ ясно, какъ въ современныхъ отношеніяхъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ, пролетаріевъ. Поэтому буржуазія могла тогда искренне говорить, что она заступается за попранныя права всѣхъ гражданъ, что она подняла знамя возстанія для водворенія свободы, равенства и братства въ странѣ. Она заявила объ этомъ въ своей знаменитой декларацiи „о правахъ человѣка и гражданина“, и рабочій народъ откликнулся на ея зовъ. Вѣрный инстинктъ подсказалъ рабочему народу, гдѣ и какъ можетъ быть нанесенъ особенно чувствительный ударъ ненавистному царству произвола. 14-го іюля 1789-го года стѣны политической тюрьмы Бастиліи пали подъ натискомъ возставшаго съ оружіемъ въ рукахъ парижскаго населенія, и это рѣшило судьбу революціи. Взятіе Бастиліи послужило сигналомъ къ крестьянскимъ бунтамъ. Начались повсемѣстно поджоги замковъ, сжиганіе феодальныхъ документовъ. Все это роковымъ образомъ привело къ знаменитой ночи 4-го августа, которая однимъ ударомъ уничтожила старый феодальный (сословно-крѣпостной) порядокъ.

Въ началѣ революціи буржуазія сознательно не хотѣла уничтожать монархіи, а лишь ограничить королевскую власть

народнымъ представительствомъ. Простонародье, съ своей стороны, сохранило еще старый предразсудокъ, что монархъ самъ по себѣ, а негодные чиновники сами по себѣ. Подобно тому, какъ у насъ наканунѣ воли 10 тысячъ крестьянъ пробивали себѣ съ оружіемъ въ рукахъ дорогу въ Питеръ, чтобы показать царю, какимъ хлѣбомъ его кормятъ паны, парижское простонародье въ началѣ революціи приволокло короля Людовика изъ загороднаго дворца въ столицу въ простодушной вѣрѣ, что „добрый король“ избавитъ его отъ голода. Но тѣмъ не менѣе революціонный инстинктъ подсказалъ парижскому рабочему люду, что не слѣдуетъ спускать глазъ съ своего „добраго короля“, и очень скоро онъ разглядѣлъ въ немъ то, что всегда скрывается подъ короной — предателя народныхъ интересовъ. Простонародье стало требовать суда надъ королемъ. Буржуазія не хотѣла идти такъ далеко. Окончательно прирученный король ей всегда могъ пригодиться въ случаѣ разлада съ народомъ. Но она сумѣла удержать въ своихъ рукахъ руководство начатой ей революціей. Она уступала требованіямъ рабочаго люда, пока онъ ей былъ нуженъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Когда 21 сентября 92 г. власть перешла отъ буржуазнаго Законодательнаго Собранія къ Конвенту, правившему подъ пятой парижскаго народа, осталось только добить монархію, и Конвентъ это сдѣлалъ.

Въ знаменитую ночь 4-го августа Національное Собраніе постановило уничтожить всѣ сословныя привилегіи, всѣ остатки крѣпостной зависимости крестьянъ и особенно ненавистныя пошлины, словомъ, всѣ остатки феодализма. Когда наступило время провести это постановленіе въ жизнь, своекорыстные расчеты буржуазіи выглянули изъ подъ ея благородной маски. Она колебалась осуществить обѣщанное изъ страха, какъ бы послѣ уничтоженія дворянскихъ правъ народъ не принялся уничтожать „священную собственность“ буржуа. Но крестьяне не ждали приглашенія; почуявъ волю, они давно сами стали повсемѣстно жечь и разрушать дворянскія усадьбы. И тутъ буржуазія опять таки согласилась уступить народу, чтобы при его содѣйствіи

окончательно раздѣлаться со старымъ порядкомъ. Дворянскія повинности были уничтожены безвозмездно и всѣ земельныя имущества духовенства и бѣжавшихъ заграницу дворянъ на сумму въ 7 милліардовъ были конфискованы и распроданы по дешевой цѣнѣ.

Уничтоженіе сбора церковной десятины и феодальныхъ повинностей было громадной *фактической* уступкой крестьянамъ. Продажа національныхъ имуществъ была важной *формальной* уступкой крестьянамъ, потому что фактически, благодаря спекуляціи, благодаря дѣятельности „черныхъ бандъ“ и благодаря гнету долговъ, эти земли быстро стекались въ руки той же буржуазіи.

Буржуазія говорила о равенствѣ и братствѣ всѣхъ гражданъ, о правѣ всякаго гражданина сопротивляться гнету; тѣмъ не менѣе она съ первыхъ же шаговъ норовила въ томъ или другомъ видѣ предать рабочій народъ. Она, напримѣръ, въ выработанной ею конституціи 91 г. ограничила подъ шумокъ избирательное право гражданъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ; она издала военный законъ, разрѣшающій стрѣлять въ народъ; она отказывалась принимать мѣры противъ безсовѣстныхъ спекулянтовъ на хлѣбъ въ то время, когда парижскій народъ умиралъ отъ голода, она запретила свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ. Но, какъ ни склонна была она къ предательству рабочихъ, когда ей приходилось выбирать между уступкой народнымъ требованіямъ и возвратомъ къ ненавистнымъ порядкамъ стараго времени, она выбирала первое.

Въ общемъ роль буржуазіи въ революціи была такова: она первая подняла сознательно знамя народнаго возстанія; по мѣрѣ того, какъ рабочій людъ и простонародье вовлекались въ его водоворотъ, она, хотя неохотно, но благоразумно уступала шагъ за шагомъ возрастающимъ требованіямъ народа и такимъ образомъ дѣло революціи было доведено до конца.

Когда нужно было закрѣпить плоды революціи, когда нужно было спасти ихъ отъ покушеній со стороны внутреннихъ и иностранныхъ враговъ революціи, власть перешла на время отъ буржуазіи къ болѣе рѣшительнымъ элементамъ, къ

террористическому правительству Конвента, поддерживаемому простонародьемъ. Но лишь только прочность революціонныхъ завоеваній была обезпечена, буржуазія опять постепенно прибрала къ своимъ рукамъ государственную машину. Послѣ разныхъ колебаній во Франціи установилась конституціонная монархія съ политической свободой, какъ разъ въ мѣру потребностей буржуазіи, такъ назыв., „монархія цензa“. Такимъ образомъ можно сказать, что хотя великую французскую революцію дѣлалъ весь народъ, но сознательно руководила ею буржуазія.

Съ тѣхъ поръ политическая роль европейской буржуазіи успѣла рѣзко измѣниться.

Вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности появился на свѣтъ пролетаріатъ, и вскорѣ обнаружилось, что слово братство въ устахъ буржуазіи есть звукъ пустой, что завоеванная революціей свобода нужна буржуазіи и пролетаріату для противоположныхъ цѣлей: *ей она нужна, какъ средство для развитія капиталистическаго хозяйства, какъ средство для господства, ему — какъ средство для борьбы съ капиталистическимъ строемъ, какъ средство для уничтоженія всякаго господства.* Возстаніе безработныхъ ліонскихъ ткачей въ 30-хъ годахъ, бурное движеніе англійскихъ рабочихъ (чартистовъ), требовавшихъ нормальнаго рабочаго дня, общаго избирательнаго права и вообще демократической конституціи, открыли глаза друзьямъ пролетаріата на его историческую роль и въ то же время дали почувствовать буржуазіи, что ея пѣсенка спѣта. Ея ученые, ея писатели не могли уже безъ лицемѣрія говорить о равенствѣ, братствѣ людей, о вѣчныхъ законахъ справедливости и т. п. хорошихъ вещахъ. 48 г. въ Европѣ особенно ясно обнаружилъ, что *великій духъ революціи отлетѣлъ отъ буржуазіи и перешелъ къ пролетаріату.*

Когда французскій пролетаріатъ вздумалъ истолковать въ свою пользу республику, установившуюся послѣ февральской революціи 48-го г., когда онъ вздумалъ использовать ее для соціальныхъ преобразованій, всѣ слои буржуазіи спло-

тились въ одну партію „законнаго порядка“ и ради спасенія „семьи, собственности и государства“ совершили неслыханную іюньскую рѣзню, стоившую рабочимъ 3000 жизней и 15000 сосланныхъ безъ суда. Чтобы спасти „законный порядокъ“ отъ притязаній пролетаріата, буржуазія быстро стала разрушать то, что она сама создала въ своихъ интересахъ, и толкнула революціонную Францію въ объятія проходимца Наполеона III.

Но гораздо любопытнѣе то, что обнаружилось во время революцій того же 1848-го года въ Австріи и въ Пруссіи. Въ этихъ отсталыхъ странахъ къ тому времени сохранился еще почти нетронутымъ старый самодержавно-феодальный государственный порядокъ. Австрійская и прусская буржуазія была заинтересована въ его исчезновеніи также, какъ нѣкогда французская. Но времена были уже не тѣ. Страхъ передъ пролетаріатомъ связалъ буржуазіи руки въ ея борьбѣ за собственную свободу.

Въ виду того, что къ началу вѣнской революціи австрійскія войска отсутствовали, (они были въ походѣ), австрійскій императоръ сразу пошелъ на уступки, посулилъ конституцію, разрѣшилъ буржуазіи вооружиться и организовать національную гвардію. Вмѣсто того, чтобы закрѣпить легко добытую свободу, буржуазія изъ страха передъ пролетаріатомъ съ перваго же дня стала готовить ея гибель. Первымъ дѣломъ буржуазной національной гвардіи было нападеніе на рабочихъ, на тѣхъ самыхъ рабочихъ, которые спѣшили изъ предмѣстій на помощь революціоннымъ горожанамъ. Какъ буржуазія ни страшилась союза съ рабочими, она все-таки безъ нихъ обойтись не могла. Обѣщанная императоромъ конституція оказалась окончательно никуда негодной. Необходимо было энергичное давленіе на правительство, а на такое давленіе оказались способными только студенты и рабочіе. Если-бъ буржуазная національная гвардія честно поддерживала въ борьбѣ студентовъ и рабочихъ, они могли бы всего добиться отъ правительства, покуда войска отсутствовали. Но она постоянно перебѣгала отъ правительства къ рабочимъ и обратно. Когда масса ра-

бочихъ, занятыхъ общественными работами въ столицѣ, возстала противъ сокращенія заработной платы, буржуазія забыла про всякія свободы; ея гвардія помогла правительству разбить рабочихъ и выслать ихъ массами изъ столицы. Этимъ она въ корень подкосила силу революціи, которую она же начала. Трусливая и шатающаяся буржуазія тянула канитель до тѣхъ поръ, пока войска въ октябрѣ не вернулись съ похода и пока правительство не оказалось въ силахъ покончить съ революціей. Рабочіе и въ этотъ критическій моментъ геройски сражались на баррикадахъ, подъ огнемъ картечи, и тогда еще дѣло революціи могло бы быть спасено, но буржуазія не задумалась предать и ихъ, и себя и революціонная столица Австріи сдалась на капитуляцію.

Еще позорнѣе вела себя во время революціи 48 г. прусская буржуазія. Она давно хлопотала о конституціи. Но 18-го марта, въ день революціи, она совершенно бездѣйствовала. Изъ 183 ч., убитыхъ въ Берлинѣ на баррикадахъ, 180 были рабочіе. Испуганный король согласился выслать изъ Берлина войска, согласился на выработку конституціи, согласился на образованіе національной гвардіи. Но буржуазія сейчасъ же начала кричать, что слѣдуетъ закончить революцію. Несмотря на то, что впослѣдствіи даже президентъ полиціи засвидѣтельствовалъ великодушное поведеніе рабочихъ, не смотря на то, что даже по его признанію въ день революціи не было ни одного погрома, буржуазія сейчасъ же послѣ 18-го марта подняла шумъ, что ея собственность въ опасности и что слѣдуетъ какой угодно цѣной водворить порядокъ. Она устроила такъ, чтобы въ національную гвардію могли быть завербованы одни лишь имущіе граждане; въ скоромъ времени она сама подала петицію за 14000 подписей о возвращеніи въ столицу войскъ, если они согласятся присягнуть конституціи, которой, кстати говоря, еще не существовало.

Въ Національномъ Собраніи она большинствомъ голосовъ рѣшила, чтобы конституція была выработана не одними представителями народа, а совмѣстно съ королемъ, *съ согласія короля* (!). Король, оправившійся отъ страха, опираясь на войско и на дворянство, конечно, не особенно торопился со

своимъ согласіемъ. Чтобы покончить счеты съ надоѣдливой буржуазіей, онъ потребовалъ, чтобы Національное Собраніе было переведено изъ столицы въ Бранденбургъ, зная, что въ глуши, вдали отъ революціоннаго берлинскаго пролетаріата, Національному Собранію не трудно будетъ заткнуть ротъ.

Въ этотъ критическій моментъ берлинскіе рабочіе предложили Національному Собранію „свои руки и кровь своего сердца“ для вооруженной защиты народной свободы. Но малодушная буржуазія боялась крови и предпочла ограничиться болтовней; Національное Собраніе заявило торжественно, что оно уступаетъ только силѣ, и сидѣло сложа руки, пока его не разогнали солдаты. Тогда король вмѣсто того, чтобы выработать конституцію по соглашенію съ народными представителями, самъ испекъ конституцію, „дарованную божьей милостью“ и той же „божьей милостью“ вскорѣ ее перекроилъ до неузнаваемости. Онъ бы могъ, конечно, и вовсе ее уничтожить, но онъ предпочелъ ее оставить, чтобы имѣть якобы конституціонное прикрытіе для своего самодержавнаго произвола.

Такъ пугливая буржуазія прозѣвала свою свободу.

Во время мартовской революціи 48-го г. соціалисты, помня, какую роль нѣкогда играла буржуазія во время великой французской революціи, старались толкнуть на такой же революціонный путь и германскую либеральную буржуазію. Марксъ и Энгельсъ въ „Новой рейнской газетѣ“ диктовали революціонную программу наиболѣе демократической части буржуазіи; они объясняли ей, что спасти національное собраніе она сможетъ не однимъ написаннымъ на бумагѣ отказомъ платить подати, а организуя вмѣстѣ съ тѣмъ вооруженное сопротивленіе народа королевскимъ сборщикамъ податей. Бухеръ объяснялъ буржуазіи, что, если она хочетъ побѣдить, она должна революціонными мѣрами въ пользу крестьянъ, привлечь ихъ на свою сторону. Всѣ эти совѣты были напрасны: французская буржуазія черезъ 3 недѣли послѣ взятія Бастиліи уничтожила всѣ феодальныя повинности крестьянъ. Германское буржуазное національное собраніе въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ послѣ 18-го марта ничего не рѣшилось сдѣлать въ ихъ пользу. Когда въ

59-64 гг. германская либеральная буржуазія открыла вторую кампанію за конституцію противъ правительства, Лассаль, подобно своимъ предшественникамъ, соціалистамъ 40-хъ годовъ, пытался толкнуть буржуазныхъ либераловъ на рѣшительныя дѣйствія. Онъ объяснялъ имъ, въ чемъ заключается сущность настоящей, а не бумажной конституціи, онъ объяснялъ имъ, какими средствами буржуазія располагаетъ для ея завоеванія при извѣстной рѣшительности. Но все это было напрасно. Блестящія агитаціонныя рѣчи Лассаля не производили никакого впечатлѣнія на буржуазію. Страхъ передъ пролетаріатомъ навсегда убилъ у нея способность рѣшительно дѣйствовать и Лассаль круто разорвалъ съ либералами.

Трусливое поведеніе либеральной буржуазіи средины прошлаго столѣтія въ одномъ отношеніи сослужило службу европейскому пролетаріату. Оно помогло ему усвоить мысль, что ему необходимо взять дѣло своего освобожденія въ собственныя руки. Рабочіе повсюду стали организовываться въ самостоятельныя соціалистическія рабочія партіи. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ окончательно разъяснилось.

Вездѣ, гдѣ вотеченіе послѣдняго полувѣка, велась борьба за распространеніе политической свободы на весь народъ, руководство борьбой и вся трудность ея всецѣло падали на организованный пролетаріатъ. Такъ обстояло и обстоитъ дѣло въ борьбѣ за общее избирательное право въ Германіи, въ Австріи, въ Бельгіи, Швеціи и Норвегіи. Пролетаріатъ въ такихъ случаяхъ находилъ слабую и робкую поддержку лишь въ демократическихъ слояхъ населенія. Коренное же ядро буржуазіи, рука объ руку съ монархіей и аристократіей, сплошной стѣной стояли и стоятъ противъ притязаній рабочихъ.

Мало того. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда организованный пролетаріатъ боролся противъ политическихъ пріемовъ и учрежденій, завѣщанныхъ отъ стараго времени, которые одинаково стѣснительны и для буржуазіи, та благоразумно воздерживалась отъ рѣшительнаго вмѣшательства, предпочитая загребать жаръ чужими руками. Когда германское правительство вздумало подъ предлогомъ огражденія нравовъ отъ порчи, ограничить свободу печати (законъ Гейнце), не буржуазія,

а соціальдемократія подняла тревогу и побила правительство. Когда германское правительство посягнуло на самое существенное политическое право буржуазнаго общества, на такъ называемое „бюджетное право", когда оно ассигновало деньги на китайскую войну безъ спроса парламента, рѣшительную кампанію противъ правительства вела одна соціальдемократія. Когда во Франціи началось знаменитое дѣло Дрейфуса, опять таки соціалисты воспользовались этимъ дѣломъ для рѣшительной борьбы противъ солдатчины и католическаго духовенства. Либеральная же часть буржуазіи поддерживала эту борьбу робкими полумѣрами, да и то съ предательскимъ разсчетомъ привлечь этимъ на свою сторону соціалистовъ, укротить ихъ и примирить ихъ съ коренными язвами буржуазнаго строя.

Буржуазія вездѣ стала лицемѣрной и трусливой. Она не осмѣливается рисковать настоящимъ ради неопредѣленнаго будущаго.

Европейскія страны въ общемъ пережили уже буржуазныя революціи, избавившія ихъ отъ самодержавныхъ и феодальныхъ порядковъ и стоятъ теперь наканунѣ соціальныхъ революцій, которыя также раздѣлаются съ буржуазными порядками.

Но тѣмъ не менѣе тамъ и понынѣ сохранилось еще не мало шлаковъ и всякаго хлама, унаслѣдованныхъ отъ прошлыхъ временъ, стѣсняющихъ дальнѣйшее развитіе всего капиталистическаго общества; еще больше тамъ сохранилось такихъ старинныхъ политическихъ язвъ, которыя выгодны для *одной* буржуазіи, но которыя все же могутъ исчезнуть, не затрагивая еще основъ капиталистическаго общества. Этотъ хламъ долженъ быть сметенъ, чтобы расчистить путь къ соціальной революціи, къ уничтоженію эксплуатаціи труда капиталомъ.

Но за эту трудную работу можетъ взяться рѣшительно и безъ оглядки только тотъ общественный классъ, тоторый одушевленъ великими идеями, который слишкомъ мало дорожитъ настоящимъ и всего ждетъ отъ будущаго.

Нѣкогда великая цѣль стояла передъ буржуазіей, нынѣ гораздо болѣе великая цѣль стоитъ передъ пролетаріатомъ. Неудивительно, что современный европейскій пролетаріатъ сводитъ старые счеты не только за себя, но и за другихъ; не-

удивительно, что онъ теперь выполняетъ и ту революціонную работу, которую нѣкогда выполняла буржуазія.

Такъ обстоитъ дѣло въ З. Европѣ. Но Россія не отдѣлена отъ нея китайской стѣной. Если нашъ политическій строй не ушелъ дальше французскаго политическаго строя прошлаго вѣка, то капитализмъ и пролетаріатъ у насъ современный, европейскій, и идеи европейскія не могутъ быть задержаны на русской таможнѣ.

Взгляды, чаянія и опасенія европейской буржуазіи тысячью путями проникаютъ въ русское буржуазное общество. Точно также мечты и идеалы европейскихъ рабочихъ при посредствѣ соціаль-демократіи усиленно распространяются и въ русской рабочей средѣ. Но въ такомъ случаѣ не должны-ли мы ожидать, что русская революція разыграется по иному, чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ французская? Не должны-ли мы ожидать, что *въ русской революціи на долю организованнаго пролетаріата выпадетъ та передовая роль, которая нѣкогда во Франціи выпала на долю буржуазіи?*

Пробужденіе русскаго пролетаріата.

Я знаю, когда говорятъ о томъ, что въ Россіи революцію совершатъ рабочіе, то у многихъ на этотъ счетъ закрадываются другого рода сомнѣнія. Мыслимое-ли дѣло, чтобы какія нибудь тысячи рабочихъ, которые принимаютъ теперь участіе въ русскомъ политическомъ движеніи, могли голыми руками опрокинуть громадную государственную машину, вооруженную милліономъ штыковъ? Но это сомнѣніе можетъ возникнуть только у тѣхъ, кому неясно, въ чемъ должна заключаться революціонная роль русскаго пролетаріата. Выраженіе „рабочіе сдѣлаютъ революцію“, собственно говоря не точно.

Революція, т. е. политическій переворотъ, не есть дѣло, которое рабочіе могутъ подготовлять и выполнить особнякомъ,

гдѣ-то въ сторонѣ отъ народной жизни. Все развитіе русскаго народа подготовило революцію и сдѣлало ее неизбѣжной. Самые разнообразные слои населенія по разнымъ причинамъ заинтересованы въ ликвидаціи самодержавія. Россія какъ бы корчится въ мукахъ родовъ политической свободы, и роль передового революціоннаго класса-пролетаріата сводится лишь къ тому, чтобы при помощи рѣшительной операціи облегчить эти роды и спасти русскую свободу въ критическій моментъ ея появленія отъ уродства.

И эта задача не легкая. Чтобы ее выполнить, нужно обладать яснымъ политическимъ сознаніемъ, отвагой и революціонной энергіей. Революціонной энергіей и революціоннымъ инстинктомъ надѣляетъ пролетаріатъ само его соціальное положеніе. Европейскіе рабочіе ихъ обнаруживали во всѣ революціонные моменты исторіи за истекшее столѣтіе, и русскіе рабочіе давно доказали, что они не составляютъ исключенія въ международной рабочей семьѣ. Еще въ 70-хъ гг., когда наша революціонная интеллигенція, проникнутая народническими предразсудками, полагала, что Россія можетъ и должна избѣгнуть капиталистическаго развитія, когда революціонеры смотрѣли съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ на городскихъ рабочихъ и возлагали всѣ свои надежды на крестьянское возстаніе, даже тогда молодой русскій пролетаріатъ *заставлялъ* революціонеровъ искать революціонныхъ силъ именно въ рабочей средѣ. Если революціонеръ-народникъ 70-хъ годовъ не умѣлъ правильно оцѣнить рабочаго движенія, то болѣе или менѣе сознательные рабочіе умѣли цѣнить революціонера. Инстинктъ подсказывалъ имъ въ какую дверь они должны стучаться, подсказывалъ имъ, что они должны быть тамъ, гдѣ ведется борьба за свободу и за соціализмъ. Извѣстно, какое дѣятельное участіе петербургскіе рабочіе принимали въ организаціи казанской демонстраціи 76-го г., извѣстно, какое участіе одесскіе рабочіе принимали въ демонстраціи послѣ суда надъ Ковальскимъ въ 1878-мъ году. Когда въ Ростовѣ, въ 79-мъ г., рабочій былъ арестованъ на улицѣ, ростовскіе рабочіе устроили настоящее возстаніе: всѣ полицейскія учрежденія были взяты приступомъ

и городъ находился во власти рабочихъ втеченіе цѣлаго дня.

Въ 80-хъ гг., когда „политическихъ“ отправляли по этапу въ ссылку, въ Орѣхово-Зуевѣ, въ городѣ того самаго района, куда интеллигенція и теперь почти не проникаетъ, рабочіе собирались громадной толпой на вокзалѣ, устраивали политическимъ ссыльнымъ овацiи и бросали въ ихъ вагоны цвѣты. Уже въ 70-хъ годахъ не мало было фактовъ, которые показывали, что, когда наступитъ время, русскіе рабочіе будутъ сражаться за свободу не хуже европейскихъ товарищей. То чувство солидарности съ жертвами произвола, та чуткость и отзывчивость при проявленіи насилія и варварства, которую выказали, напр., недавно рабочіе тихорѣцкой станицы, поражали русскихъ революціонеровъ еще 25 лѣтъ тому назадъ. Когда въ Одессѣ, во время суда надъ Ковальскимъ, толпа, оттѣсненная войсками отъ зданія суда, очутилась на Приморскомъ бульварѣ передъ „чистой публикой“, пировавшей за столами, рабочій обратился къ ней съ рѣчью въ присутствіи солдатъ и казаковъ: „сволочь! вы объѣдаетесь и опиваетесь въ ту минуту, когда осуждаютъ людей на смертную казнь! Палачи предаютъ смерти одного изъ лучшихъ сыновъ русской земли, а вы любуетесь прекрасными видами. Будьте вы прокляты.“ *)

Условія жизни не только одаряютъ рабочихъ извѣстной революціонной отзывчивостью, но помогаютъ имъ нерѣдко чутьемъ ставить правильно политическія задачи. Не мало разговоровъ было среди соціалистовъ о рабочихъ Паля и Максвеля, которые настаивали, чтобы въ прокламаціи, составленной интеллигентами, были вставлены политическія требованія. Извѣстно, что въ 90-хъ годахъ почти повсемѣстно изъ среды сознательныхъ рабочихъ раздавались голоса, что интеллигенты слишкомъ пренебрегаютъ пропагандой, что пропагандистская литература по своей бѣдности не способна утолить жажды политическаго просвѣщенія рабочихъ, что агитаціонные листки слишкомъ шаблонны и недостаточно откликаются на злободневные вопросы, волнующіе въ данный моментъ широ-

*) „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“ Плеханова.

кую рабочую массу. Какъ я уже говорилъ, политическій тактъ передовыхъ рабочихъ обнаружился еще въ концѣ 70-хъ гг. Въ то время, какъ революціонные народники-интеллигенты разсуждали, что „на Руси хоть шаромъ покати, да за то занятно," въ то время, какъ они находились еще подъ вліяніемъ самобытной идеи о здоровой соціалистической закваскѣ древне-русскихъ народныхъ устоевъ, сознательные рабочіе съ горечью вспоминали объ умственномъ убожествѣ покинутыхъ ими деревень и жадно ловили всякіе факты и свѣдѣнія изъ европейской политической жизни. Организація Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза, руководимая рабочимъ Халтуринымъ, поставила ближайшей задачей русской революціи завоеваніе политической свободы еще тогда, когда революціонеры-интеллигенты думали, какъ бы Россіи избѣгнуть буржуазной европейской свободы и совершить непосредственно скачекъ въ царство соціализма. Конечно, для политическаго сознанія инстинкта совершенно недостаточно, и потому революціонный инстинктъ передовыхъ рабочихъ могъ только служить коррективомъ, поправкой къ доктринерству, которымъ нерѣдко грѣшили русскіе революціонеры-интеллигенты.

Особенно проявилась у насъ революціонная иниціатива рабочихъ въ дѣлѣ массовой агитаціи и организаціи массовыхъ движеній. Въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, рабочіе не имѣли равныхъ себѣ соперниковъ среди революціонеровъ-интеллигентовъ.

У. 5924

Извѣстно, какимъ громаднымъ вліяніемъ на рабочую массу пользовались въ 70-хъ гг. Егоръ Филатовъ, Петръ Алексѣевъ, Тимофѣй Михайловъ, Ст. Халтуринъ, въ 80-хъ—Антоновъ, Карпенко, Мосѣенко, въ 90-хъ Морозовъ, и др. Если въ настоящее время соц.-демократическіе комитеты обнаруживаютъ такую безпомощность въ дѣлѣ организаціи манифестацій, то это можетъ быть въ значительной степени объясняется тѣмъ, что они слишкомъ мало дѣлаютъ для развитія политической самодѣятельности рабочихъ и вслѣдствіе этого масса активныхъ и способныхъ элементовъ изъ рабочей среды стоитъ въ сторонѣ отъ организацій. Въ моментъ народнаго движенія они несомнѣнно выдвинутся впередъ стихійной волной и тогда нажъ на себя

ЛЕНИНА

же придется пенять, что мы не сумѣли заранѣе ихъ вовлечь въ кругъ соціальдемократическаго вліянія. Въ этомъ отношеніи намъ не мѣшало бы поучиться у Евр. Раб. Союза (Бунда).

Пролетаріатъ и революція въ общемъ сознаніи до такой степени близкая родня, что стоило русской рабочей массѣ сдѣлать свои первые еще нерѣшительные шаги, чтобы сразу оживить всю политическую жизнь Россіи и поднять духъ всѣхъ недовольныхъ. Массовое рабочее движеніе 90-хъ годовъ, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ подрядъ протекало въ тѣсныхъ рамкахъ борьбы рабочихъ съ хозяевами за частичныя улучшенія экономическаго положенія. Но разъ рабочая масса зашевелилась, она, при русскихъ условіяхъ и при воздѣйствіи соц.-демократіи, неизбѣжно должна была выйти изъ этого узкаго русла на широкій революціонный путь. Это всѣ понимали, и потому въ атмосферѣ русской жизни, насыщенной недовольствомъ, все зашевелилось и забродило, какъ только обнаружились первые проблески пробужденія рабочаго класса.

Вы знаете, сколько хлопотъ втеченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ надѣлали правительству студенты. Одно время студенческіе безпорядки привлекали къ себѣ напряженное вниманіе всей Россіи. Наиболѣе выдающихся рабочихъ ихъ товарищи прозывали „студентами," о студентахъ толковали даже въ деревняхъ, студентъ сталъ героемъ дня. У нѣкоторыхъ даже складывалось такое убѣжденіе, что революцію сдѣлаютъ студенты, что рѣшительное сраженіе самодержавію будетъ дано ими. Это, конечно, мнѣніе наивное. Студенческія волненія представляютъ собою только маленькую зыбь, въ сравненіи съ широкими соціальными теченіями разныхъ классовъ русскаго населенія. Но они интересны, какъ показатель насыщенности русской политической атмосферы и какъ показатель тѣхъ неожиданныхъ потрясеній, которыя въ такой атмосферѣ можетъ производить пробужденіе революціоннѣйшаго изъ всѣхъ классовъ—пролетаріата. Что студенческая политическая жизнь послѣднихъ лѣтъ оживилась подъ косвеннымъ вліяніемъ рабочаго движенія, не есть какая либо догадка. Объ этомъ достаточно ясно говорятъ всегда сами студенты. Всероссійскій студенческій съѣздъ нынѣшняго года въ своемъ манифестѣ выражаетъ желаніе „большаго объединенія учащейся молодежи и

пролетаріата, идущихъ нога въ ногу по пути требованій политической свободы." „Касса радикаловъ—студентовъ С. П. Б. Унив." въ своей прокламаціи заявляетъ, что „студенческія движенія послѣднихъ лѣтъ .... могутъ разсматриваться лишь, какъ движенія общественныя въ широкомъ смыслѣ, во главѣ которыхъ стоитъ движеніе пролетаріата." Союзный Совѣтъ кіевскихъ студентовъ пишетъ въ своей прокламаціи, по поводу 11 марта: „День 11 марта учитъ насъ, что намъ нечего надѣяться на тѣхъ „мягкотѣлыхъ либераловъ".... на тѣхъ флюгеровъ, которые вертятся то по направленію часовой стрѣлки, то въ обратномъ, на нашихъ профессоровъ, которые сегодня будутъ участвовать въ комиссіяхъ для сдачи студентовъ въ солдаты, а завтра будутъ распинаться съ разрѣшенія начальства за университетскую автономію.... Онъ учитъ насъ, что нашимъ естественнымъ союзникомъ долженъ быть пролетаріатъ, классовые интересы котораго сливаются съ лучшими стремленіями прогрессивнаго человѣчества." Между прочимъ, нѣкоторые изъ московскихъ студентовъ, сосланныхъ въ Сибирь по дѣлу 500, оказавшихъ сопротивленіе въ стѣнахъ университета, говорили, что все это дѣло было затѣяно въ разсчетѣ на рабочихъ. Студенчество не ошибалось въ своихъ надеждахъ на пролетаріатъ. Лишь только оно выступало на путь рѣшительной политической борьбы, оно находило въ рабочихъ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ.

Броженіе, косвенно вызванное движеніемъ русскаго пролетаріата, конечно, не ограничилось одной средой учащейся молодежи.

Масса городского простонародья, благодаря своему разношерстному составу, не можетъ найти какой либо общей самостоятельной формы для обнаруженія своего политическаго настроенія. Но не мало тутъ накипѣло глухого недовольства всевозможными полицейскими прижимками, всероссійской нуждой и всероссійскими непорядками. Неудивительно поэтому, что, когда въ Москвѣ полтора года тому назадъ начались уличныя политическія демонстраціи при участіи студентовъ и рабочихъ, онѣ сразу приняли общенародный характеръ.

Искры, разсыпаемыя рабочимъ движеніемъ, переплетавшимся съ движеніемъ революціонной интеллигентной молодежи,

разлетались далеко кругомъ. Въ нынѣшнемъ году онѣ перекинули пожаръ изъ города въ деревню и тамъ оказались громадныя непочатыя залежи горючаго матеріала. Еще въ 1900-мъ году мнѣ приходилось слышать отъ людей, ѣздившихъ „на голодъ," самые безотрадные отзывы о настроеніи крестьянъ. „Царь тебя вознаградитъ", говорили крестьяне завѣдующему дешевыми столовыми. Тотъ объясняетъ крестьянамъ, что столовыя то устроены не на казенныя деньги, что правительство, напротивъ, ставитъ всякія препятствія къ открытію столовыхъ. „Все равно царь тебя наградитъ", твердили крестьяне. Голодъ тогда не вызывалъ протеста крестьянъ; онъ ихъ какъ будто еще болѣе пришибъ и пригнулъ къ землѣ. Теперь настроеніе деревечское круто измѣнилось. Крестьяне въ массѣ мало смыслятъ въ хитрой механикѣ нашей политической жизни. Но они слышатъ, что въ городахъ теперь что то творится, что готовятся какія то крупныя перемѣны, и они торопятся всѣми средствами добывать себѣ правъ... Крестьянскіе бунты, пронесшіеся сначала ураганомъ по пяти уѣздамъ, непрерывно вспыхиваютъ теперь во всѣхъ концахъ Россіи и тѣ крестьяне, которые участвуютъ въ бунтахъ, лишь выжидаютъ момента: „кабы по всей имперіи!" говорятъ они.

Боевая кампанія соціальдемократіи.

Я указалъ на то, какое значеніе имѣло для Россіи пробужденіе пролетаріата, какимъ сильнымъ бродиломъ, ферментомъ, послужило рабочее движеніе въ нашей застоявшейся политической жизни. Соціальдемократія много поработала для этого пробужденія. Можно даже сказать, что дѣятельность соціальдемократіи въ рабочей средѣ преимущественно выражалась въ этой революціонной эксцитаціи, въ вовлеченіи рабочей массы въ экономическую и политическую борьбу. Но это далеко не единственная и даже не главная задача с.-демократіи. Самая важная работа еще не выполнена. По общему признанію въ Россіи теперь крайне напряженное настроеніе. Но ни для кого не тайна, что, случись теперь революція, пролетаріатъ не имѣлъ бы достаточныхъ средствъ для ея использованія.

Этого мало, что рабочіе возбуждены, что они рвутся въ

бой; вѣдь во время революцій 1848 г. европейскіе рабочіе тоже не мало крови пролили; но тѣмъ не менѣе они не сумѣли пожать во время революціи того, что они посѣяли, потому что революція застигла ихъ врасплохъ не организованными, неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана дѣйствія, безъ яснаго пониманія своихъ задачъ. Русскіе рабочіе должны помнить, что революціи часто не повторяются и то, что упущено въ моментъ революціи, того не наверстаешь иногда десятками лѣтъ борьбы при сѣрой, мирной обстановкѣ. Русскіе рабочіе должны помнить, что нигдѣ еще при сведеніи счетовъ съ самодержавіемъ и съ остатками временъ крѣпостного права пролетаріатъ не имѣлъ за собой собственнаго 10-лѣтняго опыта борьбы и полувѣкового опыта соціалистическаго движенія пролетаріата всего міра. Русскіе рабочіе должны помнить, что нигдѣ при *подобныхъ* революціяхъ на долю пролетаріата не выпадала такая крупная роль, какъ у насъ въ Россіи. Къ этой роли они должны сознательно готовиться и готовиться быстро, потому что развязка, такъ или иначе, можетъ скоро наступить.

Соціальдемократія и только соціальдемократія есть партія пролетаріата. Въ ряды этой партіи должны идти рабочіе. И сама соціальдемократическая партія должна сорганизоваться по такому типу, чтобы она могла руководить широкимъ массовымъ революціоннымъ движеніемъ при невѣроятно тяжелыхъ полицейскихъ условіяхъ. Она должна выработать общую программу требованій отъ русской революціи. Она должна выработать общій планъ боевой кампаніи пролетаріата противъ самодержавія. *) Она должна намѣтить и привлечь на свою сторону надежныхъ союзниковъ для этой кампаніи и заранѣе готовиться къ отраженію тѣхъ, которая раньше или позже будутъ подсовывать палки въ колеса революціи.

Прежде всего рабочіе должны себѣ отдать ясный отчетъ въ томъ, чего они могутъ и должны ждать отъ революціи.

*) Говоря о боевой кампаніи с.-демократіи, я ниже касаюсь только той *классовой* тактики, которой она должна придерживаться. Я не касаюсь крайне важныхъ вопросовъ объ организаціи партіи, о ея борьбѣ съ мнимо-соціалистическими и реакціонными идеями, которыя *извнѣ* навязываются пролетаріату, о борьбѣ съ анархическими, бунтарскими теченіями, возникающими въ *самой* рабочей средѣ и т. д.

Обманывать себя несбыточными мечтами, значитъ идти съ завязанными глазами въ бой. Но отказываться отъ большаго изъ риска потерять малое еще вреднѣе. Рабочіе должны требовать всего того, что можетъ быть осуществимо при данномъ экономическомъ состояніи Россіи, не смущаясь соображеніемъ, хватитъ ли силъ: цыплятъ по осени считаютъ.

Несомнѣнно, что наша революція не можетъ еще быть соціалистической, т. е. она не можетъ уничтожить капиталистическаго товарнаго хозяйства, не можетъ уничтожить частной собственности на орудія производства и передать ихъ въ распоряженіе всего народа. Для такой революціи въ Россіи еще слишкомъ недостаточно развито и распространено крупное производство, которое должно составлять остовъ соціалистическаго строя. Для такой революціи въ самодержавной Россіи нѣтъ и быть не можетъ достаточно сильной экономической и политической организаціи рабочаго класса. Напротивъ того. Русская революція сама дастъ могучій толчекъ къ развитію капиталистическаго хозяйства и послѣ нея только станетъ возможна *открытая* политическая борьба между рабочимъ классомъ и буржуазіей во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ она будетъ похожа на революцію, которую сто лѣтъ тому назадъ сдѣлала французская буржуазія. Но поскольку организованный пролетаріатъ, или точнѣе, соціальдемократическая рабочая партія будетъ руководить всей народной революціонной борьбой противъ самодержавія теперь, наканунѣ революціи и въ самый моментъ ея, это неизбѣжно отразится на ея характерѣ.

Въ моментъ революціи, т. е. измѣненія существующаго политическаго строя, буржуазія постарается сохранить отъ самодержавной монархіи ровно столько, сколько нужно, чтобы имѣть постоянное оружіе противъ трудящагося населенія; постарается сохранить отъ существующихъ еще въ значительной мѣрѣ крѣпостныхъ отношеній столько, чтобы не затронуть священныхъ правъ собственности крупныхъ землевладѣльцевъ. С.-демократ. же рабочая партія во главѣ всѣхъ революціонныхъ силъ будетъ бороться за то, чтобы отъ самодержавной монархіи и отъ разныхъ видовъ крѣпостныхъ отношеній не

осталось камня на камнѣ, какихъ бы это кровныхъ жертвъ не стоило дому Романовыхъ и всероссійскому дворянству.

Въ моментъ революціи буржуазія будетъ *хлопотать* о „дарованіи“ *ограниченной* политической свободы, безъ которой не можетъ обойтись теперь капиталистическое общество и которой *въ полной мѣрѣ* пользовались бы лишь имущіе классы. Организованный же пролетаріатъ будетъ *бороться* за широкую политическую свободу, которая сдѣлаетъ возможной борьбу рабочаго класса съ капиталистическимъ строемъ, за неограниченную свободу, которой пользовался бы весь народъ: онъ будетъ бороться за общее избирательное право, за полную свободу слова, собраній, союзовъ, стачекъ и т. д.

Въ моментъ революціи буржуазія будетъ сопротивляться противъ попытокъ оградить трудящееся населеніе отъ эксплуатаціи капиталомъ. Организованный пролетаріатъ, помня, что нужно ковать желѣзо пока горячо, постарается сразу вырвать у буржуазіи тѣ соціальныя реформы въ пользу городскихъ и сельскихъ рабочихъ, которыя осуществимы пока въ капиталистическомъ обществѣ, основанномъ на частной собственности, наемномъ трудѣ, куплѣ-продажѣ и т. п. прелестяхъ. Въ моментъ революціи пролетаріатъ долженъ дать буржуазіи сраженіе за 8-часовой рабочій день, за огражденіе женскаго и дѣтскаго труда, за обязательное даровое обученіе дѣтей, за представительство рабочихъ въ фабричной инспекціи, за урегулированіе жилищнаго вопроса и т. д.

Въ моментъ революціи буржуазія будетъ хлопотать объ учрежденіи въ Россіи буржуазно-конституціонной монархіи; организованный пролетаріатъ будетъ бороться за демократическую республику.

Если изображаемое мной въ самыхъ общихъ чертахъ отношеніе буржуазіи и пролетаріата къ революціи вѣрное, то по немъ вы можете судить, насколько процессъ русской революціи будетъ отличаться отъ процесса великой французской революціи прошлаго вѣка. Можно сказать съ увѣренностью, что въ русской революціи не повторится уже тотъ само-обманъ, благодаря которому сто десять лѣтъ тому назадъ всѣ жители революціоннаго Парижа въ одинъ прекрасный день стали обниматься и цѣловаться въ порывѣ братскаго чувства.

При современныхъ условіяхъ пролетаріатъ и буржуазія уже заранѣе подходятъ къ революціи съ требованіями и видами на будущее отчасти различными, а отчасти противоположными. Оба они ждутъ смерти покойника, но насчетъ дѣлежа насѣдства у нихъ согласія нѣтъ и не будетъ. Но въ такомъ случаѣ словами „долой самодержавіе“ не исчерпывается та ближайшая цѣль, которую себѣ ставитъ нынѣ революціонный пролетаріатъ. Онъ ждетъ отъ революціи бо́льшаго, чѣмъ другіе общественные элементы, недовольные самодержавіемъ. И если-бы мы, соц.-демократы, отдѣлили вопросъ о борьбѣ съ самодержавіемъ отъ вопроса о соціализмѣ и классовой борьбѣ, если-бъ мы *для настоящаго момента* выбрали девизомъ *только* два слова „долой самодержавіе“, то случилось бы вѣроятно вотъ что: извѣстная часть рабочихъ, „чистыхъ политковъ“, *оторвавшись отъ рабочей массы*, шла бы *одинаково* за нами, какъ и за другими революціонными элементами,—студентами, террористами и т. д.; при этомъ она внесла бы въ революцію *только* то, что внесли европейскіе рабочіе въ 48-мъ г., шедшіе за буржуазно-демократическими партіями. Масса же рабочая шла бы своимъ путемъ и проявила бы себя *стихійными* взрывами, направленными противъ властей, противъ капиталистовъ и т. д.

Я не сомнѣваюсь, что разные либеральные господа изъ этого сдѣлали бы заключеніе, что массовый рабочій грубъ, не обладаетъ „гражданскимъ“ чувствомъ и думаетъ только о насыщеніи голоднаго желудка. Все это ложь. Средній рабочій ставитъ жизни немалыя требованія, у него кипитъ и бурлитъ злоба противъ всѣхъ обидъ, оскорбленій, униженій и притѣсненій, которыя ему приходится переносить въ современномъ буржуазномъ строѣ. Но русскій, какъ и европейскій пролетарій, приходитъ къ запросамъ политическимъ, исходя отъ болѣе широкихъ и глубокихъ запросовъ соціальныхъ. Рабочіе всегда участвовали въ политическихъ революціяхъ, но участвовали въ нихъ потому, что ожидали отъ нихъ улучшенія всего своего *соціальнаго* положенія, своего положенія, какъ *класса*. Въ *этомъ смыслѣ* авторы „Коммунистическаго Манифеста“ были правы, выставляя слѣдующее положеніе: „Въ каждомъ изъ этихъ (революціонныхъ) движеній они (коммунисты) выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о собственности,

какъ основной вопросъ всего движенія, несмотря на то, что онъ не вездѣ является въ одинаково развитой формѣ".

Русское самодержавіе существовало вѣка, и было время, когда *весь* русскій народъ мирился съ нимъ не за страхъ, а за совѣсть. Если съ теченіемъ времени масса русскаго населенія стала задыхаться въ самодержавныхъ тискахъ, то причина тутъ очевидно не въ этой формѣ правленія самой по себѣ, а въ измѣнившихся условіяхъ народной жизни. Населеніе русское распалось на обособленные экономическіе классы, которые сталкиваются между собой на каждомъ шагу, общественные и культурные интересы этихъ классовъ расширились и усложнились, и самодержавная форма правленія, совмѣстимая лишь съ полной неподвижностью и съ полнымъ застоемъ общественной жизни, пришла, наконецъ, въ рѣзкое непримиримое противорѣчіе съ интересами разныхъ классовъ. *Самодержавіе мѣшаетъ развитію классовой борьбы.* Поэтому то и рѣшительная борьба съ самодержавіемъ, какъ и со всякимъ другимъ политическимъ строемъ, можетъ вестись только на почвѣ классовыхъ интересовъ и во имя этихъ классовыхъ интересовъ мы должны звать рабочую массу на политическую борьбу. Нѣтъ такой области общественной жизни, которая была бы безразлична для пролетаріата, гдѣ бы пролетаріатъ не имѣлъ своихъ *особыхъ* интересовъ, нѣтъ такой области общественной жизни, гдѣ бы отстаиваніе этихъ интересовъ не натолкнулось на полицейскія рогатки самодержавія. Для рабочаго класса не безразлично то, что пишется въ буржуазной печати, то, что обсуждается и рѣшается въ городскихъ думахъ, въ земствахъ, на промышленныхъ съѣздахъ и въ министерствѣ, для него не безразлично то, что творится въ университетахъ, въ гимназіяхъ и въ школахъ, въ городахъ и въ деревняхъ. Вездѣ, во всѣхъ концахъ Россіи и во всѣхъ областяхъ русской жизни, происходитъ изо дня въ день непрерывное предательство интересовъ рабочаго класса буржуазными слоями населенія. Но пусть рабочій попробуетъ только вмѣшаться въ эти дѣла, пусть попробуетъ поднять *свой* голосъ, выразить *свой* протестъ, и сейчасъ же самодержавная полиція наложитъ на него свою грубую лапу, сейчасъ же онъ услышитъ грубый полицейскій окрикъ: не суйся! безъ тебя дѣло обойдется; не

изволь нарушать „общественнаго порядка“! Вотъ та классовая почва, на которой должна вестись пропаганда и агитація среди рабочихъ, вотъ гдѣ нужно искать поводовъ для массовыхъ политическихъ протестовъ пролетаріата. Чѣмъ болѣе *общій* характеръ имѣетъ классовый интересъ пролетаріата, подавшій поводъ къ протесту, тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ найдетъ себѣ откликъ въ другихъ *демократическихъ* слояхъ населенія, тѣмъ вѣроятнѣе, что они поддержатъ этотъ протестъ. Но отъ этого протестъ все таки не теряетъ своей классовой, соціальной подкладки.

Русское революціонное движеніе переживаетъ теперь критическій моментъ. Вошедшія у насъ въ обычай политическія манифестаціи *безъ опредѣленнаго повода* съ криками „долой самодержавіе!“ натолкнулись на жестокую полицейскую расправу и посѣяли у многихъ разочарованіе въ этомъ способѣ борьбы. Стало ясно, что нѣтъ никакого смысла выходить на улицу съ тѣмъ, чтобы быть тамъ избитымъ нагайками, не оказавши никакого сопротивленія, а потомъ подвергнуться еще риску быть высѣченнымъ въ тюрьмѣ. Разочарованіе это содѣйствовало подъему террористическихъ настроеній, который угрожаетъ гибелью всему массовому политическому движенію. Изъ этого долженъ быть найденъ выходъ и выходъ этотъ, какъ я думаю, теперь обыкновенно ищутъ не тамъ, гдѣ его слѣдуетъ искать. Главное вниманіе теперь обращаютъ на техническую сторону вопроса; это конечно, дѣло важное, но не важнѣйшее. *Необходимо* руководить демонстраціями, необходимо организовать ихъ. Но думать, что демонстранты смогутъ упорно сопротивляться войскамъ, если *всѣ* участники демонстраціи будутъ хорошо „подобраны“, крайне наивно: нигдѣ и никогда не „подбирался“ народъ для революціи; *подбирались только вожаки, организованное ядро.* Если мы подберемъ всѣхъ „надежныхъ“ рабочихъ и отправимъ ихъ на демонстрацію, то ихъ въ лучшемъ видѣ оцѣпятъ войсками и упекутъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ, потому что вполнѣ сознательныхъ и организованныхъ рабочихъ у насъ не можетъ быть достаточно для открытаго сопротивленія войскамъ.

Секретъ удачности манифестацій при осмысленномъ руко-

водствѣ заключается въ *массѣ* манифестантовъ и въ ихъ *настроеніи*. Само собой разумѣется, что при этомъ предполагается предварительная с.-демократическая агитація и умѣлые и сознательные вожаки, которые придаютъ манифестаціи цѣлесообразное политическое направленіе. Изъ этого слѣдуетъ, что нужно устраивать манифестаціи по такимъ поводамъ и подготовлять ихъ такимъ образомъ, чтобы въ нихъ принимали участіе большія массы населенія революціонно настроенныя. А для этого необходимо, чтобы поводы для манифестацій и предварительная агитація живо затрагивали классовые интересы рабочихъ и другихъ слоевъ народа, участвующихъ въ манифестаціяхъ. Я напомню, какую стойкость обнаружили рабочіе, когда они выходили на улицу, глубоко задѣтые въ своихъ соціальныхъ чувствахъ и интересахъ; я напомню про харьковскую маевку, про обуховскую исторію, про Максвелевскую, про батумскую, про тихорѣцкую, и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ не хватало организованнаго ядра и предварительной политической агитаціи, которыя придали бы движенію сознательную и опредѣленную политическую окраску.

Рабочіе способны на геройскую борьбу и они поведутъ эту борьбу, но только въ томъ случаѣ, если борьба противъ самодержавія будетъ вестись во имя ясно сознанныхъ соціальныхъ интересовъ пролетаріата, если рабочій будетъ чувствовать, что онъ борется за себя, за свое дѣло.

Я знаю и я говорилъ уже, что пролетаріатъ однѣми своими силами не въ состояніи опрокинуть существующаго политическаго строя. Поэтому онъ долженъ привлекать къ революціонной борьбѣ и поддерживать въ борьбѣ другіе слои населенія. Въ этомъ отношеніи пролетаріатъ долженъ слѣдовать завѣту „Манифеста Коммунистической Партіи“: „Коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.“

Кто же есть или можетъ стать надежнымъ союзникомъ пролетаріата въ его революціонной борьбѣ за политическую свободу?

Только тѣ слои населеніе, которыя по своему *положенію* и по своимъ *интересамъ* способны бороться за бли-

жайшую политическую программу пролетаріата рѣшительно и до конца.

Если-бы мы затруднились опредѣлить, гдѣ намъ слѣдуетъ искать себѣ союзниковъ и кого намъ слѣдуетъ остерегаться, то правительство само насъ вывело бы изъ затрудненія, потому что оно хорошо чуетъ, откуда ему угрожаетъ наибольшая опасность.

Надежные союзники пролетаріата, есть или могутъ стать таковыми тѣ, которыхъ правительство притѣсняетъ, ссылаетъ, сажаетъ въ тюрьмы, бьетъ нагайками, сѣчетъ розгами, —это значительная часть учащейся молодежи и разночиннаго интеллигентнаго общества, значительная часть простонародья и крестьянъ, это такъ назыв. демократическіе слои населенія, весь гонимый, обираемый и притѣсняемый народъ.

Не есть и стать не могутъ политическими союзниками рабочихъ тѣ, съ которыми правительство совѣщается, которыхъ оно ласкаетъ или ласково журитъ, которыхъ оно награждаетъ или осторожно гладитъ противъ шерсти—это, словомъ, либеральное и нелиберальное буржуазное общество, это крупные землевладѣльцы, богатое купечество, фабриканты, богатые домовладѣльцы и вся туча преданной имъ душой и тѣломъ буржуазной интеллигенціи, инженеровъ, адвокатовъ, профессоровъ и т. д.

Въ общемъ это дѣленіе вѣрное, хотя въ частности, конечно, можно сказать по отношенію къ первымъ, что семья не безъ урода, по отношенію ко вторымъ, что нѣтъ правилъ безъ исключенія.

Чтобъ опредѣлить, въ комъ искать себѣ союзника, и кого остерегаться, какъ возможнаго измѣнника, надо твердо помнить, какое дѣло предстоитъ выполнить.

Еслибъ мы имѣли въ виду на первомъ планѣ не политическіе интересы рабочаго класса и соотвѣтствующую этимъ интересамъ политическую революцію; еслибъ мы думали *только* объ ограниченіи самодержавія, тогда мы бы себѣ сказали: добьемся хоть куцой, хоть маленькой конституціи, лишь бы только какъ нибудь скорѣе, и въ этомъ случаѣ мы бы искали союзниковъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ихъ ищемъ те-

перь. Не подлежитъ сомнѣнію, что значительная часть буржуазіи заинтересована въ ограниченіи самодержавія, что немалая часть буржуазіи относится къ этой политической задачѣ гораздо сознательнѣе, чѣмъ масса народная, что буржуазія, наконецъ, располагаетъ самыми дѣйствительными средствами для выполненія этой задачи. Но счетъ преступленій дома Романовыхъ противъ народа слишкомъ великъ, слишкомъ велики нужды народныя, слишкомъ велики жертвы революціонной борьбы, чтобы мы могли *хоть на минуту* успокоиться на той свободѣ, которая нужна *русской буржуазіи* *). Если-бъ къ намъ явился ясновидецъ и сказалъ бы: „выбирайте: либо вы сейчасъ получите конституцію во вкусѣ русской буржуазіи и тогда въ Россіи на очень долгое время водворится прочный порядокъ; либо же политическій кризисъ затянется, вы будете 5, 10 лѣтъ вести ожесточенную борьбу и тогда вы завоюете ту свободу, которую вы считаете при настоящихъ условіяхъ осуществимой и желательной", мы, не задумываясь, должны были бы выбрать второе. Но если такъ, если мы рѣшили твердо идти къ нашей цѣли, то мы должны себѣ выбрать соотвѣтственныхъ союзниковъ. Вотъ, напримѣръ, либеральный земецъ изъ дворянъ: онъ мечтаетъ объ ограниченіи самодержавія; казалось бы, онъ въ этомъ дѣлѣ надежный союзникъ. А вотъ голодный крестьянинъ — онъ возлагаетъ надежды на батюшку-царя; стало быть намъ съ нимъ и разговаривать не о чемъ — наши дороги расходятся. Но поставьте мысленно либеральнаго земца и голоднаго крестьянина въ обстановку желательной намъ политической революціи, и тогда, вѣроятно, либеральный земецъ и консервативный крестьянинъ обмѣняются ролями. Крестьянинъ быстро повернется спиной къ царю-батюшкѣ, когда онъ воочію убѣдится, что революція избавитъ его каторжную жизнь отъ самыхъ наболѣвшихъ язвъ. Напротивъ того, земцы станутъ быстро воздвигать плотины противъ революціоннаго напора, когда они убѣдятся, что онъ угрожаетъ ихъ привилегирован-

*) Конечно, *демократическая* конституція, на которую *мы* теперь разсчитываемъ, тоже *пока* обезпечитъ политическое господство буржуазіи; но и въ буржуазныхъ государствахъ свобода бываетъ разная.

ному положенію въ мѣстномъ и общемъ самоуправленіи, существенно угрожаетъ ихъ имущественнымъ интересамъ.

Я напрасно, впрочемъ, говорю объ этомъ, какъ о чемъ то вѣроятномъ. Достаточно вспомнить, какъ недавно запѣли полтавскіе дворяне, славящіеся своимъ либерализмомъ, когда голодные крестьяне стали забирать хлѣбъ у помѣщиковъ. Они закармливали и запаивали солдатъ и офицеровъ, усмирявшихъ крестьянъ. Они жаловались на земскихъ статистиковъ; они просили министра вн. дѣлъ о принятіи самыхъ крайнихъ мѣръ для подавленія безпорядковъ. 11 земцевъ, прослывшихъ либералами, подали жалобу губернатору за „бездѣйствіе". (Это приказъ безъ предупрежденія стрѣлять въ ковалевскихъ крестьянъ считается еще бездѣйствіемъ!)

Мнѣ могутъ возразить, что союзъ съ буржуазными либералами нисколько насъ не связываетъ.

Мы должны быть мудры, аки змій; мы будемъ дружески подталкивать буржуазныхъ либераловъ впередъ и руководить ими, покуда они идутъ; при этомъ мы будемъ держать камень за пазухой и твердо помнить про особые классовые интересы пролетаріата, и лишь только либералы рѣшительно заартачатся, мы на нихъ махнемъ рукой. По поводу этой тактики, нѣкогда высказался очень недурно Лассаль, наученный горькимъ опытомъ: „Въ концѣ концовъ получается тотъ результатъ, что политиканствующіе революціонеры, вмѣсто того, чтобы перешагнуть черезъ обманутаго непріятеля и повести за собой вѣрныхъ друзей, какъ разъ наоборотъ, собственныхъ друзей за спиной теряютъ, а непріятеля съ пути не устраняютъ. Такъ якобы высшая премудрость на дѣлѣ оказывается высшимъ безразсудствомъ". Чтобы понять глубокій смыслъ этихъ словъ, вспомните то, что я выше говорилъ о политическомъ воспитаніи рабочихъ. Главная причина недовольства пролетаріата самодержавіемъ заключается въ томъ, что оно препятствуетъ осуществленію его классовыхъ интересовъ, препятствуетъ его борьбѣ за освобожденіе отъ *соціальнаго* гнета. Очевидно, что, вступая въ союзъ съ либеральной буржуазіей, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно затушевываемъ противорѣчіе между политическими интересами пролетаріата и буржуазнымъ строемъ и,

стало быть, притупляемъ главное орудіе политическаго воспитанія рабочихъ, лишаемъ себя лучшаго средства для пробужденія рабочихъ къ политической борьбѣ. Но, теряя „вѣрныхъ друзей“, мы, благодаря этой тактикѣ, не пріобрѣтаемъ также вліянія на нашихъ классовыхъ противниковъ. Обличать политическій индиферентизмъ (равнодушіе) буржуазіи и политическую дряблость буржуазныхъ либераловъ всегда полезно и необходимо. Но дружески (какъ союзники) учить либерала политической мудрости намъ, соціалистамъ, при современныхъ русскихъ условіяхъ, безполезно: цѣну самодержавію онъ знаетъ не хуже насъ, вѣдь вся либеральная наука и практика состоитъ въ критикѣ бюрократическаго строя и въ защитѣ „законности“; если же либералъ не склоненъ къ рѣшительной борьбѣ съ самодержавіемъ, то это не по невѣжеству, а благодаря классовому инстинкту: онъ готовъ ставить свою ставку только въ вѣрной игрѣ и подымаетъ голосъ своей „оппозиціи“ лишь по мѣрѣ того, какъ мы революціонеры расшатываемъ политическій строй своими средствами. Это обычная исторія съ русскими либералами и пора ее знать. *Только при двухъ условіяхъ допустимы временные союзы пролетаріата съ современной либеральной буржуазіей* и обоихъ условій у насъ въ Россіи теперь нѣтъ на лицо. Они допустимы, *во 1-хъ, когда организація и классовое сознаніе пролетаріата уже достаточно окрѣпли; во 2-хъ, въ такой моментъ, когда пролетаріатъ не предпринимаетъ никакихъ рѣшительныхъ революціонныхъ шаговъ.* Это блестяще доказано было исторіей возникновенія германской соціальдемократіи и недавней исторіей бельгійской генеральной стачки за избирательное право: „Всеобщій германскій рабочій союзъ“ организовался и отточилъ свое классовое сознаніе именно на борьбѣ съ германской дряблой буржуазно-прогрессистской партіей. Бельгійская же соціалистическая партія, благодаря союзу съ либералами въ революціонный моментъ заразилась отъ нихъ нерѣшительностью, парализовала огромную революціонную энергію пролетаріата и привела его къ пораженію. Для русскаго пролетаріата не должны даромъ пройти уроки западныхъ соціалистическихъ партій. Когда вамъ будутъ говорить, чтобы вы,

держа камень за пазухой, вступили въ лукавый союзъ съ тѣми, съ которыми вамъ завтра же, а можетъ быть и сегодня придется бороться, когда вамъ будутъ навязывать такое ненадежное оружіе, когда вамъ нужно идти на смертный бой, то напомните совѣтчикамъ замѣчательныя слова Бальтазра изъ трагедіи Лассаля:

О, ты не первый и не послѣдній,
Который заплатитъ своей головою
За то, что вздумалъ въ велкихъ дѣлахъ
Прибѣгать къ хитрости. Переодѣваніе
Цѣны не имѣетъ на рынкѣ исторіи,
Гдѣ людей познаютъ по оружію ихъ и по гербу.
Потому всегда отъ головы до пятокъ
Смѣло наряжайся въ цвѣта лишь собственнаго знамени.
Тогда въ великомъ бою
Ты будешь твердо стоять на ногахъ,
Тогда ты падешь, исчерпавъ лишь всѣ свои силы.

Я говорилъ, что при выборѣ союзниковъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ мы должны руководиться прежде всего классовыми интересами пролетаріата. Въ виду этого мы не должны торопиться записать въ число своихъ союзинковъ всякаго, кто почему либо недоволенъ самодержавнымъ режимомъ.

Съ другой стороны намъ нечего смущаться тѣмъ, что нѣкоторые намѣченные мною выше союзники не обнаруживаютъ пока правильнаго пониманія смысла совершающихся теперь въ Россіи событій. Для насъ важно, что они по самому своему положенію заинтересованы въ такой революціи, которой мы добиваемся и на нашей обязанности лежитъ употребить всю свою энергію и все свое умѣніе, чтобы разъяснить имъ, въ чемъ заключается ихъ настоящій политическій интересъ и какимъ образомъ онъ можетъ быть удовлетворенъ.

Возьмемъ, напримѣръ, тѣхъ же крестьянъ. Не было еще ни одной крупной революціи и ни одного критическаго момента въ жизни современнаго государства, которые бы не сопровождались волненіями крестьянъ на почвѣ земельныхъ неурядицъ. Такъ было во время великой французской революціи 1789-го г.

такъ было во время революцій 1848 г. въ Германіи и въ Австріи, такъ было во время севастопольской войны въ Россіи, тоже происходитъ и теперь въ нашихъ деревняхъ уже при первыхъ раскатахъ революціонной грозы. Никакая революція противъ старыхъ порядковъ полукрѣпостной монархіи не можетъ быть доведена рѣшительно до конца, если она ничего существеннаго не дасть крестьянамъ, а если бы она и была доведена до конца однѣми силами городского населенія, то она не можетъ быть прочна. Несомнѣнно, что, если мы хотимъ разъ навсегда вырвать почву изъ подъ ногъ самодержавнаго правительства, мы должны крутыми революціонными мѣрами въ пользу крестьянъ нравственно связать ихъ съ революціей и на всегда вытравить изъ ихъ головы нелѣпую вѣру въ батюшку—царя.

Но какъ это сдѣлать? Среди крестьянъ существуетъ довольно распространенное убѣжденіе, что всѣ не-крестьянскія земли скоро поступятъ въ общій раздѣлъ.

Если мы считаемъ вредными всякія несбыточныя мечты насчетъ того, что революція можетъ въ настоящее время дать рабочимъ, то столь же вредны несбыточныя мечты крестьянъ. Чтобы руководить твердой рукой революціей, мы должны имѣть ясное представленіе о томъ положеніи вещей, которое наступитъ на слѣдующій день послѣ революціи.

И я уже говорилъ, что пока у насъ не можетъ быть еще и рѣчи объ осуществленіи соціалистическаго строя. Напротивъ, революція пока только очиститъ вполнѣ путь къ развитію капиталистическаго хозяйства въ промышленности и земледѣліи, и только это развитіе крупнаго производства создастъ необходимыя условія для общественнаго соціалистическаго хозяйства.

Классовый интересъ пролетаріата требуетъ, чтобы былъ проложенъ путь къ соціальной революціи, къ введенію соціалистическаго строя и пролетаріатъ никогда не долженъ забывать этой главной своей цѣли ради пріобрѣтенія временнаго союзника. То, о чемъ мечтаютъ крестьяне, во 1-хъ, неосуществимо, потому что русская революція не сможетъ уничтожить цѣлый сильный и вліятельный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, связан-

ныхъ тысячью нитей со всѣмъ буржуазнымъ міромъ; во 2-хъ, если бы это было осуществимо, это было бы намъ нежелательно: соціалисты вполнѣ солидарны съ крестьянами, какъ съ людьми рабочими, но не какъ съ мелкими собственниками. Соціализмъ требуетъ сліянія хозяйствъ, организаціи общественнаго хозяйства и полнаго уничтоженія собственности на землю; крестьяне же мечтаютъ о раздѣленіи хозяйствъ, о раздѣлѣ земли крупныхъ землевладѣльцевъ и объ укрѣпленіи мелкой собственности. Такой раздѣлъ не приблизилъ бы насъ къ соціализму, а откинулъ бы очень далеко назадъ. И такъ пролетаріатъ, сочувствуя лишь прогрессивнымъ интересамъ крестьянъ, не можетъ поддерживать ихъ реакціонныхъ иллюзій. Но тѣмъ не менѣе революція, руководимая пролетаріатомъ, расчищая путь для капиталистическаго сельскаго хозяйства, можетъ очень радикально улучшить положеніе крестьянской массы, которая больше страдаетъ отъ недостаточнаго развитія капитализма, чѣмъ отъ самаго капитализма. Прежде всего революція должна вознаградить крестьянъ насчетъ ихъ вѣковыхъ угнетателей и омрачителей, насчетъ дворцоваго вѣдомства и монастырей. Когда крестьяне усядутся тамъ, гдѣ сидѣли ихъ старые идолы, они навсегда перестанутъ имъ поклоняться и съ привязанностью крестьянина къ царской власти будетъ покончено. Удѣльныя и монастырскія земли должны быть отчасти проданы (капиталистическія хозяйства—экономіи для образованія денежнаго фонда, предназначеннаго на культурныя нужды деревни; отчасти онѣ должны служить для добровольнаго заселенія малоземельными крестьянами, особенно страдающими отъ отсутствія промысловъ. Всѣ тѣ исключительныя права, земельные участки и угодья крупныхъ землевладѣльцевъ, которые служатъ имъ не въ интересахъ сельскаго хозяйства, а для поддерживанія *личной* зависимости крестьянина отъ землевладѣльца и полукрѣпостныхъ отношеній, должны быть первыя уничтожены, а вторыя выкуплены въ пользу крестьянъ на средства всего класса крупныхъ землевладѣльцевъ, независимо отъ того, когда и какъ возникли эти права. Экономическія отношенія, имѣющія крѣпостной характеръ, находятся въ противорѣчіи съ экономическимъ развити-

емъ Россіи. Они поэтому должны быть уничтожены независимо отъ того, поддерживаютъ ли ихъ разночинцы или дворяне, возникли ли они недавно, при освобожденіи крестьянъ или до освобожденія, при содѣйствіи правительства или безъ его содѣйствія.

Податное бремя должно быть снято съ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть уничтожены всѣ стѣсненія крестьянъ въ распоряженіи своей личностью и своей землей, которыя государство поддерживаетъ ради обезпеченія податей. Законъ долженъ положить предѣлъ *ростовщической* эксплуатаціи мелкихъ арендаторовъ кулаками и признать недѣйствительными всѣ, носящіе такой характеръ, арендные договоры и т. д. Словомъ, революція должна однимъ ударомъ разрушить всѣ пережитки и новые наросты монархическихъ и крѣпостныхъ отношеній, которые увѣковѣчиваютъ рабское положеніе крестьянъ и принять радикальныя мѣры противъ того паразитства, которое такъ легко уживается съ отношеніями „добраго стараго времени.“

Всѣ эти мѣры сметутъ препятствія для развитія Россіи по пути къ соціализму и потому соотвѣтствуютъ классовымъ интересамъ городского и сельскаго пролетаріата. Всѣ эти мѣры достаточны для того, чтобы привлечь крестьянъ на сторону революціи и соціальдемократическая партія обязана растолковать крестьянамъ, что этотъ крупный переворотъ въ ихъ жизни можетъ быть произведенъ только революціей, за которую борются рабочіе. Она должна призывать крестьянъ поддерживать революцію и должна имъ указывать наиболѣе цѣлесообразныя формы крестьянской революціонной борьбы. Такихъ формъ не мало. Крестьяне, напр., могутъ повсемѣстно общественными приговорами, требовать созыва народныхъ представителей и поддерживать свои требованія массовымъ отказомъ платить подати и вооруженными сопротивленіями властямъ, тѣмъ болѣе, что это уже и теперь *частично* практикуется крестьянами. Они могутъ также въ день стеченія деревенскаго населенія въ городахъ, по уговору съ рабочими организаціями, принимать участіе въ политическихъ демонстраціяхъ рабочихъ. Они, наконецъ, могутъ въ моментъ городского возстанія принять и въ немъ дѣ-

ятельное участіе. Вѣдь стекались же крестьяне по темнотѣ своей въ города изъ примыкающихъ уѣздовъ, чтобы громить евреевъ; будутъ они стекаться туда и для того, чтобы добывать себѣ волю.

Не менѣе, чѣмъ на крестьянъ, пролетаріатъ можетъ разсчитывать на поддержку со стороны городского простонародья. Это тѣ слои населенія, которые особенно страдаютъ отъ городскихъ непорядковъ и отъ сквернаго городского хозяйства; это тѣ, которые въ 80-хъ гг. составляли главный демократическій элементъ въ думахъ, и которыхъ правительство позаботилось въ 92 г. отстранить отъ городского самоуправленія. Это тѣ слои, у которыхъ замѣчается быстрый ростъ культурныхъ потребностей и противъ которыхъ направлены разные циркуляры, стѣсняющіе доступъ къ образованію, вродѣ Деляновскаго циркуляра „о кухаркиныхъ дѣтяхъ“. Это тѣ слои населенія, которые особенно много терпятъ отъ повальнаго взяточничества чиновниковъ, отъ полицейскаго произвола; это тѣ мелкіе потребители, на которыхъ ложатся особеннымъ бременемъ косвенные налоги, покровительственныя пошлины и вся экономическая политика современнаго государства, отстаивающаго интересы лишь крупнаго капитала. Конечно, городское простонародье имѣетъ настолько разношерстный составъ, что въ его средѣ не можетъ возникнуть какое нибудь постоянное, опредѣленное и сплоченное общественное движеніе, какое возникаетъ, напр., среди либеральнаго дворянства, среди студентовъ, рабочихъ или крестьянъ. Но въ моменты революцій всегда стихійно прорывается скрытое недовольство этой главной массы городского населенія и это составляетъ немалую тяжесть на чашѣ вѣсовъ революціи.

Поэтому партія пролетаріата должна въ своей литературѣ заранѣе политически воздѣйствовать на эту массу населенія и объяснять ей, какія общедемократическія цѣли преслѣдуетъ революціонная борьба пролетаріата.

Но наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ союзниковъ пролетаріата несомнѣнно есть и будетъ разночинная, демократическая интеллигенція. Она совмѣщаетъ въ себѣ соціальную необезпеченность пролетаріата и идейный интересъ ко всѣмъ во-

просамъ современности. Изъ этой среды въ Россіи втеченіе полувѣка выходили наиболѣе самоотверженные борцы за свободу и за интересы народа. Изъ нея во всемъ мірѣ выходили революціонные вожди всѣхъ демократическихъ и пролетарскихъ движеній. Это то „общество“, на которое соціалъ-демократія обязана политически воздѣйствовать. Если соціалисту приходится говорить съ буржуазными либералами, то онъ говоритъ по необходимости, какъ разсчетливый покупатель съ плутоватымъ продавцомъ, т. е., со скрытымъ недовѣріемъ, а подчасъ съ явнымъ презрѣніемъ, а потому и разговоры то „душевные“ надо по возможности съ ними сокращать. Къ демократической же интеллигенціи мы можемъ и должны обращаться прямо и честно, не пряча камня за пазухой и неизмѣнно подчеркивая свои особые классовые интересы.

Конечно, интересы этого „общества“ въ цѣломъ гораздо болѣе расплывчаты и неопредѣленны, чѣмъ интересы пролетаріата. Это „общество“ незамѣтными переходами приближается къ буржуазному, и потому его взгляды постоянно подвержены колебаніямъ: вы найдете въ этомъ „обществѣ“ всѣ оттѣнки мысли отъ соціализма до буржуазнаго либерализма. Поэтому, если въ немъ возникаютъ какія либо самостоятельныя революціонныя движенія, какъ напр., студенческое движеніе, пролетаріатъ долженъ поддерживать его энергично, но не со слѣпымъ довѣріемъ и не въ качествѣ сподручнаго помощника, а какъ самостоятельный союзникъ, ясно преслѣдующій свои *собственныя* политическія цѣли и задачи.

Вообще, чтобы выполнить свою историческую роль въ настоящій моментъ, пролетаріатъ или, точнѣе, соціалъ-демократическая рабочая партія должна стать во главѣ народной революціонной арміи. Но чтобы побѣдить, недостаточно организовать армію, надо еще хорошо изучить и использовать ту обстановку, въ которой приходится сражаться.

Хотя въ революціонной борьбѣ кровь свою проливаетъ и будетъ проливать только народъ, но несомнѣнно, что въ дѣлежѣ самодержавнаго наслѣдства очень дѣятельное участіе приметъ буржуазное общество.

Если мы часто говоримъ о безсиліи русскаго либеральнаго

буржуазнаго общества, то не слѣдуетъ этимъ вѣрнымъ словамъ давать ложнаго толкованія. Русская либеральная и нелиберальная буржуазія не хочетъ и не можетъ вести революціонной борьбы, но у нея больше чѣмъ у какого либо другого класса населенія силы и возможности использовать революцію для своихъ интересовъ. Она гораздо болѣе организована, чѣмъ пролетаріатъ и обладаетъ опытомъ въ руководствѣ и управленіи общественными дѣлами. Къ ея услугамъ стоитъ городское и земское самоуправленіе, къ ея услугамъ стоятъ всѣ офиціальные представители науки, къ ея услугамъ стоитъ почти вся легальная печать, въ ея рукахъ находится судьба государственныхъ финансовъ, безъ ея поддержки государственный механизмъ не можетъ дѣйствовать ни одного дня. Если бъ мы изъ презрѣнія къ политической безхарактерности и трусливости буржуазіи вздумали бы просто на просто скинуть ее со счетовъ революціи, то мы бы совершили громадную ошибку, за которую намъ же однимъ и пришлось бы платиться. Во всякій рѣшительный моментъ самоослѣпленіе такъ же опасно, какъ и неувѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ. Чтобы выиграть сраженіе нужно обладать не только безшабашной храбростью прапорщика, но и самообладаніемъ и прозорливостью полководца. Надо не только вѣрить въ свою силу, надо также правильно оцѣнивать силу противника и силу вмѣшивающейся въ дѣло „третьей державы“. И такъ, чего же мы можемъ ожидать отъ буржуазіи, отъ этой „третьей державы“ въ моментъ революціи?

На это отвѣтить не трудно.

Но прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, скажу два слова о любопытной особенности внутренней политической жизни русской буржуазіи, взятой въ цѣломъ. Въ европейскихъ странахъ при борьбѣ съ самодержавной монархіей, средній слой промышленной и купеческой буржуазіи обыкновенно занималъ либеральную позицію; крупные же землевладѣльцы — дворянство отстаивало старый порядокъ — самодержавную монархію. У насъ дѣло обстоитъ иначе. Капиталисты, устраивающіе свои финансовыя дѣлишки съ царскими министрами и занятые хлопотами въ борьбѣ съ рабочими, пока политикой мало

занимаются, ихъ голоса какъ будто не слыхать. Помѣстное же дворянство, наоборотъ, издавна либеральничаетъ и „дѣлаетъ оппозицію“ правительству. Оно недовольно самодержавіемъ по многимъ причинамъ: во 1-хъ, оно какъ „первенствующее“ сословіе не хочетъ гнуть спину передъ чиновными выскочками; во 2-хъ, оно не довольно тѣмъ, что правительство покровительствуетъ капиталу и тѣмъ косвенно содѣйствуетъ дворянскому разоренію; въ 3-хъ, потерявъ власть надъ крѣпостнымъ народомъ, оно старалось вознаградить себя выгодной и почетной службой по выборамъ въ земствѣ, въ судахъ и т. д. Но какъ разъ эта дѣятельность подвергалась всегда особеннымъ стѣсненіямъ со стороны подозрительнаго и самовластнаго правительства. И вышло дѣло такъ, что помѣстное дворянство стало считать либерализмъ какъ будто своей привилегіей. Оно у насъ составляетъ теперь главное ядро либеральной буржуазіи.

Что же предпринимаетъ теперь это либеральное помѣстное дворянство?

Оно долго сидѣло сиднемъ въ кельѣ подъ елью и прислушивалось къ ходу вещей. Когда шансы правительства въ борьбѣ съ „крамолой“ падали, оно приподымало голову. Но какъ только правительство оправлялось и подтягивало возжи, оно сейчасъ же скромно потупляло очи и заговаривало языкомъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“: „Моментъ, переживаемый нами, слишкомъ серьезенъ и не время теперь желать: мы можемъ только надѣяться“. Но „естественный ходъ вещей“ все болѣе и болѣе опредѣлялся, въ воздухѣ запахло революціей: „Поднялся мускулистый кулакъ рабочаго класса“, „наша благородная молодежь, наша лучшая надежда истекаетъ кровью“, „герои погибаютъ на висѣлицахъ“. Видно, приспѣла пора воспользоваться переполохомъ: „Умѣренные всегда выигрываютъ отъ обостренія борьбы между крайними элементами“. Мы враги всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, отъ правительства, которое душитъ или отъ народа, котораго душатъ. „Мы скорбѣли душой и теперь еще скорбимъ, когда недоразумѣнія (напр., выдача работницамъ желтыхъ билетовъ и сѣченіе манифестантовъ!) между правительствомъ и населеніемъ приводи-

ли къ обоюднымъ насиліямъ". Мы съ ужасомъ предвидимъ неизбѣжность революціи. „Общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ (это, замѣтьте, интересы рабочихъ и крестьянъ эгоистическіе!) вздымается подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія".

Мы, земцы, „наименѣе заинтересованные элементы общества", (а боимся пуще смерти борьбы народа за его „эгоистическіе" интересы), а потому мы предлагаемъ правительству свое безкорыстное (?) посредничество. Таковъ буквальный текстъ современныхъ мелодій либеральнаго дворянства. А смыслъ этихъ мелодій заключается въ томъ, что либералы хотятъ пожать плоды революціи, которыхъ они не сѣяли и, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ правительства, заключить съ нимъ сдѣлку, добиться отъ него политическихъ уступокъ для либеральной буржуазіи, оставивъ массу народную при печальномъ интересѣ. Либералы не стѣсняются даже прямо это высказывать. Вотъ, напр., что пишетъ одинъ изъ крайнихъ либераловъ въ заграничную газету „Освобожденіе". „Теперешнее положеніе дѣла создано не земцами; оно создано молодежью, лишенною возможности учиться; создано рабочими, начавшими понимать связь своихъ экономическихъ невзгодъ съ общимъ безправіемъ; создано крестьянами, доведенными до хроническихъ голодовокъ и открытаго возстанія; оно создано безпорядками, демонстраціями, террористическими актами. Земцы выступили позднѣе всѣхъ и до сихъ поръ заявили о себѣ слабѣе всѣхъ. Никто и не зоветъ ихъ на баррикады, никто и не приглашаетъ ихъ къ крайнимъ дѣйствіямъ. Но пусть же они умѣло, съ достоинствомъ и съ сознаніемъ громадной отвѣтственности, лежащей на нихъ, выполнятъ свою историческую миссію, свою обязанность передъ народомъ. *Не молодежь, не крестьяне, не рабочіе будутъ, конечно, вести переговоры съ правительствомъ и примутъ власть отъ него, а они — представители земства.*" Итакъ, народъ боролся, а земство зѣвало. Но власть примутъ, „конечно", не революціонныя партіи, руководившія народной борьбой, а земство! Правда, авторъ письма отсюда дѣлаетъ выводъ, что зем-

ство должно мужественно отстаивать интересы народа; но какъ оно будетъ отстаивать, это послѣ видно будетъ. Если либеральное дворянство уже теперь, когда медвѣдь еще не убитъ, такимъ языкомъ заговариваетъ, то что оно запоетъ, когда оно будетъ у власти! Въ программѣ „русскихъ конституціоналистовъ“, помѣщенной въ 1-мъ №-рѣ „Освобожденія“ предлагается, чтобы въ составъ учредительнаго собранія, которое будетъ организовывать новый политическій строй Россіи, вошли представители отъ земствъ, отъ городскихъ думъ и отъ профессоровъ. О представителяхъ отъ революціонныхъ организацій, или о представителяхъ, непосредственно выбранныхъ для этой цѣли всенароднымъ голосованіемъ опять ни слова. Либеральный авторъ этой программы, объясняя это упущеніе, говоритъ, что такъ дѣло будетъ вѣрнѣе: не будетъ „скачка въ неизвѣстное, который представляла бы всякая попытка спеціальныхъ выборовъ подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ“. Дѣло ясное, что если-бъ революція непосредственно улучшила соціальное положеніе всего трудящагося населенія, то никакого „скачка въ неизвѣстное“ не было бы, и народная масса, несмотря на свою политическую невоспитанность, при выборахъ рѣшительно подавала бы голоса за приверженцевъ революціи, а не за приверженцевъ стараго порядка. Но улучшить серьезно соціальное положеніе трудящихся массъ невозможно, не затрагивая интересовъ имущихъ классовъ, а этого, конечно, не хочетъ ни либеральное дворянство, ни либеральная буржуазія вообще; въ этомъ отношеніи она готова лишь на грошовыя подачки и ничтожныя уступки. Въ „открытомъ письмѣ отъ группы земскихъ дѣятелей“, помѣщенномъ въ томъ же номерѣ „Освобожденія“, въ числѣ причинъ бѣдственнаго положенія народа указывается только на финансовую и экономическую политику правительства, на его политическій гнетъ и т. п. Но ни слова вы тамъ не найдете о безграничной эксплуатаціи рабочихъ капиталистами, о кабальной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. По смыслу этого письма выходитъ, что не будь у насъ само-

державія, у насъ не было бы никакой классовой борьбы и въ Россіи водворился бы всеобщій миръ и благоволеніе въ сердцахъ.

Вы видите ясно, почему либералы такъ боятся „скачка въ неизвѣстное“, почему въ ихъ программѣ ни слова нѣтъ объ общемъ прямомъ избирательномъ правѣ, о свободѣ стачекъ и т. п. Если бъ все это еще не было ясно, то вамъ достаточно было бы познакомиться съ недавно имѣвшимъ мѣсто тайнымъ совѣщаніемъ воронежскихъ земцевъ. Тѣ прямо поставили точку надъ і: до обѣда они вольнодумничали и рѣшали, что слѣдуетъ привлечь къ земскому дѣлу „уважаемыхъ“ лицъ изъ крестьянъ, но только въ качествѣ выборныхъ; избирателями должны быть крупные земельные собственники; они должны рѣшить, кто изъ крестьянъ заслуживаетъ „уваженія“. Послѣ же обѣда и это признали опаснымъ, на томъ де основаніи, что теперь мы, дворяне, правимъ, а тогда пожалуй, „темная масса“ нами будетъ править.

Итакъ, мы знаемъ, что предпринимаетъ либеральное дворянство: оно собирается предать революцію, которая стоила уже столькихъ жертвъ и загубленныхъ жизней, и которая будетъ стоить еще гораздо болѣе великихъ жертвъ.

Промышленная буржуазія и купечество пока, какъ я говорилъ, въ политику не вмѣшиваются. Они пока заняты своими хозяйскими дѣлами. Они устраиваютъ нефтяные синдикаты для ограбленія потребителей, пріискиваютъ способы заткнуть ротъ печати по вопросамъ, обсуждающимся на ихъ съѣздахъ, принимаютъ мѣропріятія „въ интересахъ горнорабочихъ“ вродѣ, напр., расквартированія пѣхотныхъ и казачьихъ войскъ въ мѣстахъ скопленія рабочихъ, пишутъ благодарственные адреса губернаторамъ по поводу благополучнаго усмиренія крестьянъ и т. д. Но было бы очень наивно отсюда заключить, что торгово-промышленная буржуазія проспитъ революцію. Она отлично понимаетъ, какую выгоду для себя она сможетъ извлечь изъ ликвидаціи самодержавія и она поспѣетъ какъ разъ во время къ раздѣлу наслѣдства. Когда буржуазіи нужно, она и теперь умѣетъ отстаивать свои интересы даже въ борьбѣ со всемогущей высшей администраціей. Посмо-

трите, какой шумъ подняли московскіе фабриканты, когда зубатовская полиція вздумала морочить рабочихъ, подбивая ихъ на стачки. Они заставили самого всемогущаго Витте перемѣнить политику. Посмотрите, какая масса стычекъ съ высшей администраціей происходитъ теперь у купечества въ петербургской думѣ, въ московской и въ другихъ большихъ городахъ Россіи. Русская буржуазія народъ практическій и расчетливый. Она прежде времени не хочетъ рисковать игрой въ политческую оппозицію. Но когда настанетъ явно критическій моментъ для правительства, и когда оно начнетъ сдаваться, торгово-промышленная буржуазія съумѣетъ не хуже дворянства пристроиться къ конституціи. Сколько бы дворянство ни мечтало о „первенствующей роли“, настоящее то первенство достанется торгово-промышленному капиталу. Но можно себѣ легко представить, какая бы у насъ получилась свобода, если бъ мы позволили россійской буржуазіи самостоятельно рѣшить ея судьбу! Конституція, состряпанная либеральнымъ дворянствомъ, либеральной земской партіей, была бы въ сравненіи съ ней совершенствомъ.

Итакъ, какую же позицію долженъ занять пролетаріатъ по отношенію къ либеральной буржуазіи въ цѣломъ, которая быстро формируется у насъ въ политическую партію, которая устроила уже 2 тайныхъ земскихъ съѣзда, которая имѣетъ уже свою нелегальную газету заграницей—„Освобожденіе“, съ которой уже вступаютъ въ частные переговоры министры —Плеве и Витте?

Пока либеральная буржуазія дѣлаетъ оппозицію самодержавію, пока она съ нимъ ссорится и торгуется, это намъ на руку, потому что это ослабляетъ силу нашего непріятеля и парализуетъ самые чувствительные его органы. При нашихъ полицейскихъ условіяхъ организація революціонной борьбы пролетаріата и его союзниковъ представляетъ такія огромныя трудности, что если бъ буржуазія въ критическій моментъ не отвернулась отъ самодержавія, мы своими силами не въ состояніи были бы его свалить. Но не подлежитъ сомнѣнію, что раньше или позже правительство будетъ вынуждено пойти на уступки и тогда буржуазія сторгуется съ правительствомъ

и, чѣмъ энергичнѣе мы будемъ вести свою *классовую* революціонную борьбу, тѣмъ раньше этотъ моментъ наступитъ и тѣмъ лучше мы его используемъ. Это будетъ критическій моментъ. Для буржуазіи этотъ моментъ будетъ финаломъ, *концомъ революціи* въ смыслѣ измѣненія политическаго строя. Для насъ же это будетъ только *началомъ революціи* въ этомъ смыслѣ. Когда правительство идетъ на уступки, это показываетъ, что почва заколебалась подъ его ногами, что оно растерялось, что оно дезорганизовано. Въ такія минуты его покидаютъ значительная часть его союзниковъ, въ такія минуты исчезаетъ авторитетъ власти, исчезаетъ страхъ передъ его могуществомъ, ослабляется дисциплина въ войскахъ и въ администраціи. Тутъ революціонныя силы и должны дѣйствовать во всю. Мы должны помнить правило: что съ возу упало, то пропало. Если мы упустимъ моментъ и дадимъ опять сорганизоваться и упрочиться надолго новому правительству, то дѣло наше будетъ проиграно. А потому въ моментъ политическаго соглашенія между правительствомъ и буржуазіей, пролетаріатъ долженъ пустить въ ходъ всю свою революціонную энергію, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, чтобы повернуть дѣло революціи въ свою пользу, въ пользу всего народа, чтобы спасти революцію отъ предательства и провести полностью свою революціонную программу. Въ исторіи европейскихъ революцій вы найдете много яркихъ картинъ, дающихъ наглядное представленіе о томъ, какъ въ такіе моменты дѣйствуютъ революціонныя массы народа.

Огромныя уличныя манифестаціи, разгромъ ружейныхъ лавокъ и цейхгаузовъ и вооруженіе всего народа въ столицѣ, повтореніе того же въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, пожаръ крестьянскаго возстанія въ деревняхъ — вотъ первые революціонные шаги массы народной въ такихъ случаяхъ. Затѣмъ, все время, пока засѣдаетъ учредительное собраніе, призванное учреждать новую конституцію, революціонная масса лихорадочно слѣдитъ за ходомъ дѣлъ въ Собраніи, гдѣ рѣшается судьба народа, она держитъ собраніе въ осадномъ положеніи; при каждой попыткѣ законодателей обмануть народъ, обойти его, предать его интересы, революціонная толпа вмѣшивается

и угрожаетъ собранію кровавой расправой и приводитъ эту угрозу въ исполненіе.

Степень политическихъ измѣненій до того всегда зависѣла отъ непосредственнаго давленія революціонной массы народа, что европейскія правительства, вынужденныя созывать учредительныя собранія, часто старались устраивать ихъ подальше отъ столицъ, въ небольшихъ городахъ, гдѣ рабочихъ мало, и гдѣ масса менѣе политически зрѣлая и во всякомъ случаѣ подальше отъ рабочихъ кварталовъ.

Но все то, о чемъ я сейчасъ говорю, указываетъ только, какимъ способомъ пролетаріатъ можетъ оказать внѣшнее давленіе на ходъ революціи, давленіе посредствомъ физической силы, посредствомъ физической угрозы. Это, конечно, очень важное обстоятельство. Но успѣхъ дѣла далеко не опредѣляется однимъ этимъ.

Физическую побѣду пролетаріатъ очень часто одерживалъ въ революціяхъ, но это нисколько не мѣшало тому, чтобы онъ въ конечномъ счетѣ былъ обманутъ и одураченъ при смѣнѣ политическаго строя. Для того, чтобы пролетаріатъ въ такіе критическіе моменты не терялъ голову, чтобы онъ не сталъ жертвой слѣпыхъ инстинктовъ и мѣняющихся настроеній, чтобы его революціонныя дѣйствія были рѣшительны и цѣлесообразны, необходимо, чтобы онъ былъ организованъ и дисциплинированъ, чтобы онъ ясно сознавалъ, чего онъ требуетъ отъ революціи, и чего отъ нея добиваются буржуазныя партіи, необходимо, чтобы онъ твердо зналъ, въ чемъ его интересы расходятся съ интересами этихъ партій, необходимо, чтобы онъ не далъ себя соблазнить или подкупить хорошими словами, отъ кого бы они ни исходили, отъ правительства или отъ буржуазныхъ классовъ, необходимо, чтобы имъ руководила твердой рукой его *собственная* соціальдемократическая партія.

Заранѣе предугадать моментъ революціи и сопровождающія ее политическія комбинаціи нѣтъ никакой возможности. Но *самое общее* представленіе объ ея ходѣ можно и теперь себѣ составить на основаніи изученія русской и европейской

жизни. И это необходимо сдѣлать, чтобы знать, какъ къ ней готовиться.

Въ моментъ революціи правительство навѣрно пригласитъ въ учредительное собраніе только представителей имущихъ классовъ, какихъ нибудь выборныхъ отъ земствъ и городскихъ думъ (на меньшемъ и буржуазія не согласится). Пролетаріатъ же долженъ будетъ требовать, чтобы въ учредительномъ собраніи засѣдали также вожаки пролетаріата, представители соціаль-демократической рабочей партіи.

Въ моментъ революціи правительство въ союзѣ съ буржуазіей будетъ, конечно, держать столицы и всѣ крупные города на военномъ положеніи; достаточно вспомнить, какъ обстояло дѣло въ день объявленія манифеста 19-го февраля. Соц.-демократическая же партія, напротивъ, должна будетъ все сдѣлать. чтобы поставить вершителей народной судьбы подъ падзоръ вооруженнаго пролетаріата и вооруженной народной массы.

Въ моментъ революціи правительство въ союзѣ съ буржуазіей будетъ приглашать народъ мирно, спокойно и терпѣливо выжидать завершенія учредительной работы. Соц.-демократія же должна будетъ призывать народъ не покладать оружія, покуда революція не будетъ доведена до конца, покуда не будетъ осуществлена ближайшая программа пролетаріата.

Въ моментъ революціи пролетаріатъ и демократія будутъ стоять на одной сторонѣ, а правительство и буржуазія на другой.

Но нужно помнить, что когда на охоту идти, собакъ кормить поздно.

Уже теперь организованный пролетаріатъ, ведя безпощадную борьбу съ самодержавіемъ, долженъ въ то-же время занять оборонительную боевую позицію по отношенію къ буржуазіи въ цѣломъ, какъ либеральной такъ и не либеральной. Онъ долженъ бичевать жалкое молчалинство буржуазіи, которая настолько занята процессомъ накопленія, что не задумывается даже о собственныхъ политическихъ интересахъ въ настоящее тревожное время. Когда тѣ или другіе слои буржуазіи дѣлаютъ какіе либо оппозиціонные шаги противъ самодержавія, пролета-

ріатъ не долженъ рукоплескать этимъ шагамъ и протягивать буржуазіи руку для союза. Онъ долженъ, напротивъ того, разоблачать половинчатость этихъ шаговъ и вскрывать своекорыстную классовую подкладку этой половинчатости. Пролетаріатъ долженъ заранѣе давать понять буржуазіи, что онъ политически созрѣлъ, что онъ не дастъ ей загребать жаръ руками пролетаріата, что онъ сознательная сила, съ которой нельзя не считаться.

Мы не должны думать, что наше откровенное отношеніе къ буржуазіи толкнетъ ее въ объятія самодержавія. Она никогда не имѣла основанія надѣяться на нашу дружбу; за то, увидя насъ съ открытымъ забраломъ, она повѣритъ въ нашу силу, въ близость народной революціи и въ близость паденія самодержавія, и ей останется только приложить свою руку къ этому надежному предпріятію. Чѣмъ больше она будетъ медлить, тѣмъ больше накопится революціонныхъ паровъ и политическаго сознанія въ массѣ, тѣмъ разрушительнѣе будетъ дѣйствіе революціи и тѣмъ больше она вынуждена будетъ намъ уступить при раздѣлѣ самодержавнаго наслѣдства.

Пролетаріатъ долженъ идти къ своей революціонной цѣли прямо, не приспособляясь къ другимъ, а приспособляя другихъ къ себѣ, помня, что исторія обрекла самодержавіе на гибель и что *онъ* будетъ его могильщикомъ.

Мартыновъ.